

Санкт-Петербургский государственный университет

МАЙХРУК Кирилл Ярославович

Выпускная квалификационная работа

**Лексические средства в современном русском политическом дискурсе в
аспекте межкультурной эквивалентности (на фоне японского языка)**

Уровень образования: магистратура

Направление 45.04.02 «Лингвистика»

Основная образовательная программа ВМ.5622. «Русский язык и русская
культура в аспекте русского языка как иностранного»

Профиль «Русский язык и русская культура в аспекте русского языка как
иностранного»

Научный руководитель:
кандидат филологических наук
Авлова Татьяна Борисовна

Рецензент:
доктор филологических наук,
профессор, ФГБОУВО
«Санкт-Петербургский
горный университет»,
Щукина Дарья Алексеевна

Санкт-Петербург

2021

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Теоретические основы исследования	
1.1. Характеристика политического дискурса	8
1.1.1. Понятие «политический дискурс»	8
1.1.2. Функции политического дискурса.....	11
1.1.3. Отличительные черты современного политического дискурса...	14
1.2. Межкультурная эквивалентность.....	18
1.2.1. Типы и уровни эквивалентности.....	19
1.2.2. Коммуникативная неудача.....	22
1.3. Коммуникативные стратегии в политическом дискурсе.....	29
1.3.1. Понятие коммуникативной стратегии и тактики.....	29
1.3.2. Основные стратегии и тактики политического дискурса.....	31
Выводы.....	34
Глава 2. Анализ лексических средств в русском и японском политическом дискурсе	
2.1. Концепт-анализ, применяемый в работе	37
2.1.1. Понятие и структура концепта	37
2.1.2. Структура анализа концепта	43
2.2. Сравнительный анализ концептов «Япония» и «Россия» в русском и японском политическом дискурсе.....	44
2.2.1. Концепт «Япония»	44
2.2.2. Концепт «Россия»	51
2.3. Сравнительный анализ лексических средств реализации коммуникативных стратегий в аспекте межкультурной эквивалентности	55
Выводы.....	75
Заключение	78
Список использованной литературы.....	85

Введение

Развитие языковых систем предполагает разработку концепций критического исследования языкового материала, позволяющего выявить лингвистические особенности в зависимости от дискурса. Количество дискурсивных исследований убеждает нас в том, что феномен дискурса приобрел глобальный характер, во многом определив антропоцентрическое направление в лингвистике второй половины прошлого и начала нового века. Исследования дискурса в политической лингвистике представляет собой сегодня одну из наиболее востребованных современным обществом областей знания. Большое значение в исследовании политического дискурса имеют работы Э.В. Будаева, Е.И. Шейгала, А.П. Чудинова, П.Б. Паршина.

Несмотря на то, что данный термин широко употребляется в научных кругах, в настоящее время у него нет какого-либо единого общепринятого определения. В современной науке наряду с вышеупомянутым понятием «политический дискурс» [Шейгал 2000] употребляются также такие термины как «общественно-политическая речь» [Юдина 2017], «политический язык» [Воробьева 1999].

Сущностными характеристиками политического дискурса являются его ярко выраженная прагматическая (инструментальная) направленность, множественное жанровое воплощение, амбивалентность, национально-культурная предопределенность и открытость к интеграции, манипулятивность, соотнесенность с социальными группами, динамичность, массовость адресатов, полемичность, экспрессивность, разнообразие используемого языка и высокая степень ответственности автора за коммуникативные неудачи. «Политический дискурс – это совокупность всех речевых актов, а также публичных правил, традиций и опыта, ситуативно детерминированных и выраженных в форме речевых образований, содержание, субъект и адресат которых относятся к сфере политики.

Современный русский политический дискурс стремительно меняется и развивается в соответствии с мировыми трендами. Владение ораторским искусством, умение формулировать свои мысли в яркую и сильную речь стали одним из ключевых качеств, которым, по мнению широкой общественности, обязан владеть успешный политический лидер каждой страны. И такому лидеру необходимо также учитывать и особенности коммуникации с зарубежными партнерами.

Проблема межкультурной эквивалентности русского и японского политического дискурса весьма актуальна в ракурсе минимизации рисков при проведении политического диалога, поскольку японский политический дискурс как отдельная область вербальной коммуникации продолжает оставаться одной из наименее изученных. И это несмотря на то, что Япония является одним из основных партнеров России в регионе АТР. Изменение российско-японских связей в последние 20—25 лет является хорошей иллюстрацией данного существующего факта. На примере Дальнего Востока России можно видеть, как разворачивается межкультурный диалог: на повседневном уровне — через появление в нашем жизненном пространстве элементов предметной среды из Японии (промышленные и продуктовые товары, анимационные фильмы и т. д.), на профессиональном уровне — через контакты специалистов разных сфер, в том числе и политической.

При изучении японского политического дискурса важно отметить то, что именно в нем находят отражение взаимовлияние традиционного речевого этикета и современного лексического корпуса. Необходимо учитывать, что в Японии сложилась свои традиции публичных выступлений [Shoji Azuma 2012]. Из наиболее примечательных национальных особенностей можно выделить:

- подавление излишней экспрессии, т. е. преобладание нейтрального стиля в выступлениях;
- концепция «потери лица», т. е. важно, прежде всего, «сохранить лицо» [Будаев, 2008];

- уровень вежливости. Всего в японском языке выделяют 3 уровня вежливости, и в зависимости от ситуации, необходимо использовать определенный из данных уровней.

Вышеперечисленные особенности резко отличают политические дискурсы двух стран, что создает почву для возникновения провалов в коммуникации. В связи с этим имеется необходимость анализа лексических средств русского политического дискурса на фоне японского языка. Это, а также отсутствие научных работ, касающихся межкультурной эквивалентности политического дискурса двух языков, обусловили **актуальность** данной работы.

Объектом исследования являются лексические единицы современного русского языка, функционирующие в политическом дискурсе.

Предметом исследования выступает межкультурная и межъязыковая эквивалентность лексем политического дискурса русского и японского языков.

Целью работы является оценка российско-японских политических связей в лингвокультурологическом ключе с позиций межкультурной коммуникации. В соответствии с заданной целью в работе ставятся следующие **задачи**:

1) Изучить теоретический материал, посвящённый рассмотрению политического дискурса в отечественной и зарубежной лингвистике.

2) Определить общие характеристики политических дискурсов японского и русского языков.

3) Описать семантические и стилистические особенности сопоставляемых лексем

4) Установить особенности функционирования рассматриваемых лексем в политическом дискурсе русского и японского языков

5) Выявить значимые дискурсивные единицы в политических дискурсах японского и русского языков.

6) Провести анализ способов перевода форм и единиц политического дискурса с японского на русский язык с целью нахождения языковых лакун, потенциально приводящих к коммуникативной неудаче

Материалом исследования является совокупность политических текстов на русском и японском языках, связанных по тематической и концептуально-идеологической направленности на определенном отрезке развития двусторонних отношений. Они включают в себя официальные политические документы Японии и РФ, такие как официальные заявления, коммюнике, интервью официальных лиц РФ и Японии, а также новостные статьи в СМИ РФ и Японии.

Научная новизна работы заключается в том, что впервые проводится комплексное сопоставление политического дискурса японского и русского языков, осуществляется всесторонний анализ политического дискурса на материалах японского и русского языков, дается его характеристика с привлечением перевода.

Теоретическая значимость исследования заключается в представлении политического дискурса как вида институционального дискурса, существенном расширении области японско-русского сопоставления на материале речевых дискурсов, выявлении общих и отличительных характеристик двух языков в сфере политического общения.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования её результатов для выработки модели обучения русскому языку с профессиональной направленностью в аспекте межкультурной коммуникации для японских студентов.

В основу работы положена следующая **гипотеза**: использование лексические средств, эксплицирующих концепт «Япония», обусловлено каждой отдельной коммуникативной стратегией в русском политическом дискурсе, при помощи которых адресанту удастся выразить своё собственное отношение к тому, что происходило, происходит и может происходить в российско-японских отношениях.

Структура работы соответствует поставленной цели и задачам исследования. Текст выпускной квалификационной работы состоит из введения, двух глав, заключения, библиографического списка и приложения.

Положения, выносимые на защиту:

1) Мирный договор является центральной темой российско-японских отношений, что отражено в используемых лексических средствах, а также в частоте упоминания данного сочетания в русском и японском политическом дискурсе.

2) Стратегия самопрезентации и аргументативная стратегия являются ключевыми коммуникативными стратегиями в русском и японском политическом дискурсе в рамках российско-японских отношениях

3) Концептуальный анализ в рамках лингвокультурологии является эффективным при описании лексических средств. Он также успешно применяется при исследовании политического дискурса. В русском и японском политическом дискурсе концепты «Япония» и «Россия» соответственно предстают важным элементом языковой картины мира политического актора.

4) Среди лексических средств русского политического дискурса, имеющих низкую межкультурную эквивалентность на фоне японского языка и потенциально приводящих к коммуникативной неудаче, основными являются сочетания «Северные территории» и «Курильские острова».

Глава 1. Теоретические основы исследования

1.1. Характеристика политического дискурса

1.1.1. Понятие «политический дискурс»

В исследованиях политического дискурса однозначно выделяется проблема дифференциации политического дискурса по отношению к другим типам дискурса (юридическому, военному, рекламному и др.). Политический дискурс представляет собой явление, которое в обществе имеет более частотное проявление по сравнению с другими типами дискурсов. В связи с этим феномен политического дискурса не поддается однозначному определению, поскольку, во-первых, сама категория политики в настоящее время не обладает четкими границами в своём определении, во-вторых, выделение политического дискурса по совокупности лингвистических признаков не представляется возможным.

В российском языкознании существует точка зрения о равнозначности терминов «политическая коммуникация» и «политический дискурс» [Чудинов 2008; Шейгал 2000]. Согласно одному из толкований данного термина, политическая коммуникация посвящена политическим проблемам, а авторами или адресатами политического текста являются политические субъекты [Будаев 2010; Чудинов 2008]. А.П. Чудинов предлагает различать следующие разновидности политической коммуникации:

1. аппаратная (служебная, бюрократическая) коммуникация – коммуникация внутри государственных или общественных структур;
2. коммуникация в публичной политической деятельности, включая публичные выступления в парламенте (адресантами сообщения являются политические лидеры и активисты);
3. масс-медийная политическая коммуникация;
4. коммуникация участников митингов, собраний, демонстраций – непрофессиональная коммуникация [Чудинов 2008]

Кроме того, как отмечает Е.И. Шейгал, широкий подход к политической коммуникации включает в неё также и разговоры о политике «на кухне» или с

целью поддержать общение и установить контакт с собеседником. Исследователь отмечает, что данный вид коммуникации, оставаясь в сфере бытового дискурса, несёт информативную функцию, но способен перерасти в масштабное общественное движение. В этом случае разговоры обычных граждан становятся дискурсом политического участия [Шейгал 2000]. Ограничение социальных сфер при определении коммуникации в качестве политической приводит к выделению двух главных видов политической коммуникации: собственно политической и медийной политической коммуникации [Шейгал 2001].

Более узкий подход к политической коммуникации предполагает процесс общения между политическими акторами. Данное понятие следует отличать от политической речи, которая представляет собой применение адресантом сообщения национального языка в процессе создания политического текста без учёта деятельности адресата. Таким образом, если политическая речь включает процессы кодирования и передачи информации, то политическая коммуникация распространяется также на процесс декодирования сообщения и обратную связь, заключающуюся в поведенческой реакции адресата. По справедливому замечанию Е.И. Шейгал, главным критерием определения коммуникации в качестве политической является её цель и содержание. Ведущей целью политической коммуникации является борьба за власть [Шейгал 2000]. Т.Н. Астафурова, Е.В. Будаев и А.П. Чудинов отмечают, что обретение власти, её удержание и перераспределение определяют любую властную коммуникацию вне зависимости от её вида [Астафурова 2009, Будаев 2007].

В понимании «власти» мы придерживаемся концепции В.Ф. Халипова [Халипов 2007], где власть — это:

- способность, право и возможность тех или иных лиц, органов, учреждений, систем распоряжаться кем-либо, чем-либо; оказывать решающее воздействие на судьбы, поведение и деятельность конкретных людей, их общностей и институтов с помощью различного рода средств

– права, авторитета, воли, принуждения;

- государственное, политическое, экономическое, духовное или иное господство над людьми.

В современной российской лингвистике также нет общепринятого мнения о типологии политического дискурса. Т.В. Шмелевой выделяется три жанра политического дискурса: «1) жанры предъявления обществу принятых решений; 2) жанры обсуждения принятых решений; 3) жанры публичных массовых действий» [Шмелева 1994]. По мнению Н.Н. Кохтева, в политический дискурс включаются следующие типы: дипломатический, политический, военно-патриотический, митинговый, агитаторский, парламентские речи, отчетные доклады на съездах, собраниях и конференциях, выступления на социально-политические, политико-экономические, социально-культурные темы и т. п. [Кохтев 2000].

Соответственно, множество исследователей выделяют условия политического дискурса: «1) глобальная сфера: политика; 2) глобальный выполненный акт: законотворчество, выработка политической линии и т. п.; 3) глобальная окружающая обстановка: сессия парламента, съезд политической партии; локальные политические акты, например, занятие оппозиционной ниши и т. п.; 4) политическая роль участников: члены парламента, представители общественно-политических движений, члены правящей партии, члены оппозиционной партии и т. п.; 5) политические знания участников: политические убеждения и идеологии, цели и задачи политической деятельности» [Гаврилова 2004]

Некоторые исследователи [Паршин 1999] подвергают сомнению существование феномена политического дискурса, считая, что языковые черты своеобразия политического дискурса немногочисленны и не столь просто поддаются идентификации, а обычные лексические и грамматические маркеры, по которым можно выделить политический дискурс как своеобразное явление, не выходят за рамки соответствующих идиоэтнических («национальных») языков. П.Б. Паршина также выдвигает тезис о том, что предметом политической лингвистики является идиополитический дискурс, т. е. «своеобразие того, что,

как, кому и о чем говорит тот или иной субъект политического действия» [Паршин 1999].

Этот вопрос находит также отражение в анализе политического дискурса, предпринятого Т.А. Ван Дейком [Van Dijk 2008]. По его мнению, хоть и существуют возможные стилистические и тематические маркеры, способствующие выявлению признаков политического дискурса, не представляется возможным создать какую-либо типологию политического дискурса на основе только вербальных свойств. Т.А. Ван Дейк приходит к выводу о том, что основополагающей категорией для выделения политического дискурса является контекст, а не сам текст. Кроме того, Т.А. Ван Дейк придерживается узкого определения политического дискурса как строго определенного класса жанров, ограниченный политической сферой. Т.е. политический дискурс – это исключительно дискурс политиков.

В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Т.А. Ван Дейка и определяем «политический дискурс» как совокупность речевых актов политических акторов в сфере политической коммуникации, поскольку это наилучшим образом соответствует целям, поставленным в данном исследовании.

1.1.2. Функции политического дискурса

Исходя из того, что главной функцией политического дискурса является его применение в виде инструмента политической власти, реализующейся в обладании властью, борьбе за нее, сохранении власти, осуществлении, стабилизации и перераспределении власти [Шейгал 2000], можно выделить ряд ключевых функций дискурса политической коммуникации. Однако данная главная функция по отношению к языку политики настолько же глобальна, насколько коммуникативная функция всеохватывающа по отношению к языку в целом. И как в случае с определением политического дискурса, у многих исследователей также имеется свой взгляд на его функции.

П.Д. Чилтон и К. Шеффнер [Крюкова 2018: 6] выделяют четыре типа стратегических функций политического дискурса:

1. *Принуждение.* Политические деятели часто действуют принудительно посредством дискурса, определяя вопросы, выбирая темы в разговоре, позиционируя себя и других в определенных отношениях. К этой функции относятся такие речевые акты, как приказы, законы, а также реализация власти в качестве контроля над языком других посредством различных степеней цензуры и контроля доступа.

2. *Сопротивление.* Данная категория противопоставлена функции принуждения и реализуется в противовес властным отношениям. Характеристикой данной функции является наличие специфических лингвоструктур (петиции, слоганы), особенностей у СМИ (иноагенты).

3. *Симуляция.* Суть данной функции – контроль над информацией.

4. *Легитимизация и делигитимизация.* Легитимизация тесно связана с функцией принуждения, так как реализует механизмы повиновения. Делигитимизация, в свою очередь, представляет других, оппозицию (иноагенты, «пятая колонна», внесистемная оппозиция) и несёт в себе негативную коннотацию.

Большинство отечественных исследователей, занимающиеся проблемой политического дискурса, выделяют следующие функции [Гаврилова 2004, Григорьева 2007, Чудинов 2006]:

- *Коммуникативная функция.* Направлена на передачу информации, призванной оказать воздействие на преобразование существующей в сознании адресата картины политического мира.

- *Побудительная функция.* Призвана эмоционально влиять на граждан, формировать в их сознании определенную политическую картину мира, преодолевать существующие в обществе противоречия.

- *Эмотивная функция.* Направлена на выражение авторских эмоций и возбуждение эмоций адресата.

- *Фатическая функция*. Служит для установления и поддержания контакта между коммуникантами.

- *Метаязыковая функция*. Направлена на объяснение смысла слова или высказывания. Например, в политических текстах нередко встречаются фрагменты, в которых автор объясняет читателю смысл каких-то специальных понятий и терминов, поскольку далеко не все наши граждане понимают смысл ряда новых для них политических терминов.

Интересным представляется разделение функций в политическом дискурсе у Е.И. Шейгал, поскольку она считает, что основные функции политического дискурса представлены следующим образом [Шейгал 2000: 157]:

1. *социального контроля* (создание предпосылок для унификации поведения, мыслей, чувств и желаний большого числа индивидуумов, т. е. манипуляция общественным сознанием);

2. *легитимизации власти* (объяснение и оправдание решений относительно распределения власти и общественных ресурсов);

3. *воспроизводства власти* (укрепление приверженности системе, в частности, через ритуальное использование символов);

4. *ориентации* (через формулирование целей и проблем, формирование картины политической реальности в сознании социума);

5. *социальной солидарности* (интеграция в рамках всего социума или отдельных социальных групп);

6. *социальной дифференциации* (отчуждение социальных групп);

7. *агональные* (иницирование и разрешение социального конфликта, выражение несогласия и протеста против действий властей);

8. *акциональные* (проведение политики через мобилизацию или «наркотизацию» населения: мобилизация состоит в активизации и организации сторонников, тогда как под наркотизацией понимается процесс умиротворения и отвлечения внимания, усыпления бдительности).

Тем не менее, в данной работе мы будем придерживаться функциональной структуры политического дискурса, состоящего из *коммуникативной*,

побудительной, эмотивной, фатической и метаязыковой функций, поскольку, на наш взгляд, они наиболее полно отражают политический дискурс как знаковую систему, в которой происходит модификация семантики и функций разных типов языковых единиц и стандартных речевых действий.

1.1.3. Отличительные черты современного политического дискурса

Традиционно политический дискурс характеризуется как официальный и сдержанный, однако изменения в обществе существенно сблизили политиков и простых граждан. Благодаря чему в современном политическом дискурсе происходит переход от официальности и сдержанности к неформальности речи, на что обращают внимание многие исследователи [Базылев 2005; Шейгал 2000; Паршина 2007 и др.]

Отличительные черты современного политического дискурса можно охарактеризовать следующим образом:

1. Агрессия
2. Ироничность
3. Чёрный юмор

Некоторые исследователи [Горностаева 2018, Пономаренко, Желтухина 2019] включают также такую черту, как сквернословие, но в своей работе мы решили этого не касаться, поскольку данная черта практически отсутствует в японском политическом дискурсе.

В политическом дискурсе принцип соперничества является одним из главных. Нападение является одной из стратегий, которая предопределена самой целью политического дискурса — победой над оппонентом, а агрессия – её неотъемлемая черта.

Одной из предпосылок агрессивности политического дискурса является современная тенденция разделения на «своих» и «чужих» [Van Dijk 2009]. Политические лидеры активно используют прямые оскорбления оппонентов, издевки, насмешки, передразнивания политических противников. Под «чужими»

могут пониматься как все те, кто нарушает традиционные нормы, т.е. лентяи, преступники, нравственные уроды или фанатики [Будаев, Чудинов 2006: 173], так и те, кто может угрожать национальной безопасности государства – террористы, иммигранты и т.д. [Van Dijk 2009].

«Лидер оппозиции! Да какой ты лидер оппозиции?! 30 лет назад ты был семиклассником, списывал контрольные по арифметике в школе своей, а я был уже кандидатом в президенты страны. Оппозиция из идиотов - может быть, и больных людей и авантюристов» (В.В. Жириновский о А.А. Навальном после оглашения приговора Химкинским судом) [*«Жириновский призвал приговорить Навального к реальному наказанию»*. РИА. 19.01.21].

«LGBT だからといって、実際そんなに差別されているものでしょうか? LGBT のカップルのために税金を使うことに賛同が得られるものでしょうか。彼ら彼女らは子供を作らない、つまり『生産性』がないのです。// Что касается ЛГБТ, неужели и правда существует такая дискриминация? Согласны ли вы тратить налоги на ЛГБТ-пары? Они не могут заводить детей, то есть они "непродуктивны"». [なぜ杉田水脈議員は過激発言を繰り返し“出世”したのか——女性が女性を叩く構図は誰が作ったか. Business insider. 01.08.18].

В данном примере агрессивность проявляется в использовании термина «непродуктивность» в контексте невозможности завести детей ЛГБТ-парами. Узуально лексема «продуктивность» используется для обозначения эффективности производства (в сельском хозяйстве, в промышленности и др.)

Агрессия может быть выражена и в завуалированной форме, например, через иронию. В политической речи часто присутствует сарказм, который является наиболее жёстким и резким выражением иронии. В политическом дискурсе ирония выполняет различные функции — от нападения до защиты, сохранения лица; от сближения с аудиторией до дистанцирования [Горностаева 2018].

«Вместо всего этого что? Разместили мою фотографию, мое плавание стилем "баттерфляй" — я корявенько, но иногда люблю так поплавать — в каком-то бассейне, где я никогда не плавал». [Путин опроверг информацию о «дворце» из публикации Навального. Ведомости. 25.01.21].

В данном примере присутствует самоирония, которая пресекает все дальнейшие попытки критики и является орудием защиты от нападков. Так, в своём комментарии В. В. Путин делает неожиданное добавление в середине фразы *«я корявенько, но иногда люблю так поплавать»*, что является нарушением коммуникативных ожиданий адресата и сигнализирует о том, что говорящий использует иронию.

«- После окончания президентского срока вы уйдете из политики или все-таки вы продолжите быть во власти, станете премьер-министром?

- А как бы вам хотелось?». [«Загадка 2024: вернется ли Путин в кресло премьера». МК. 05.06.2018].

В данном случае говорящий прибегает к механизму нарушения коммуникативных ожиданий, задавая журналисту ответный вопрос в ироничной манере. Такой способ вести диалог создает неформальную атмосферу даже при обсуждении серьезных вопросов. Таким образом, ирония является значимым и неотъемлемым компонентом современного политического дискурса.

Еще одной чертой политического дискурса является черный юмор как способ юмористического отражения чего-либо трагического или ужасного. Его функция — защита, смягчение эффекта от возможных потрясений, с которыми может столкнуться любой человек.

Например, в 2019 году, когда по территории Японии прошёл ряд тайфунов, министр обороны Японии Таро Коно, во время посещения одной из пострадавших от стихийного бедствия префектур, сделал следующий комментарий:

«私はよく地元で雨男と言われました。私が防衛大臣になってからすでに台風が三つ// Местные жители меня часто называли «амэ-отоко». С тех пор

как я стал министром обороны уже произошли три тайфуна». [「私は雨男。大臣になって台風三つ」 河野防衛相が発言. Asahi Shinbun. 28.10.19].

Используя слово «амэ-отоко» в ироническом ключе, которое обозначает человека, чье присутствие всегда приносит дождь, Таро Коно надеялся смягчить эффект от негативной ситуации в Японии (а именно природного катаклизма), однако вызвал обратную реакцию. Позднее министр обороны принёс свои извинения за «неуместную шутку».

В русской политической речи использование черного юмора происходит гораздо чаще, чем в японской политической речи. Примером может служить комментарий В.В. Путина по поводу отравления А.А. Навального:

«Теперь что касается пациента берлинской клиники. Могу некоторые вещи повторить... Если это так - а это так, я вас уверяю — это значит, что вот этот пациент берлинской клиники пользуется поддержкой спецслужб США. Тогда спецслужбы, конечно, должны за ним присматривать. Но это совсем не значит, что его травить нужно. Кому он нужен-то? Если бы хотели - довели бы до конца». [Путин о Навальном: если бы хотели отравить, довели бы дело до конца. ВВС. 17.12.20].

Использование эмотивного высказывания («кому он нужен-то») убедительно выражает негативную позицию говорящего по отношению к человеку, о котором идёт речь.

Следовательно, чёрный юмор выполняет функцию защиты общества и каждой личности в отдельности от потрясений, стрессов и чрезмерного накала эмоций.

Ранее перечисленные изменения, происходящие в политическом дискурсе на современном этапе, демонстрируют его смещение от официальности в сторону разговорного стиля. Они в большинстве своём отражены в речах российских политиков. В этом смысле японский политический дискурс более консервативен, поскольку в нём преобладает нейтральный стиль речи,

подавляющий лишнюю экспрессию у оратора. Соответственно, в речах японских политиков менее выражены агрессия и ироничность.

1.2. Межкультурная эквивалентность

Политический дискурс содержит как лингвистическую, так и экстралингвистическую информацию (картину мира), а также знаковую информацию (картину мира, представленную посредством знаков) [Караулов 1993]. Главная цель политического дискурса состоит в том, чтобы убедить аудиторию, то есть заставить слушателя, в том числе иностранного, проявить реакцию, аналогичную реакции адресатов исходного текста, что невозможно без качественного перевода.

Значительные трудности для перевода могут вызвать национально-специфические реалии, авторские метафоры и идиомы, подчеркивающие национальную особенность политического дискурса, речи отдельных политиков. При переводе текста политического дискурса переводчик должен учитывать все доступные аспекты. Необходимо учитывать когнитивные, психологические и социальные характеристики аудитории, уровень образованности, профессиональную и региональную принадлежность, возраст и пол. На лингвистическом уровне это влияет на выбор языковых единиц (специализированная лексика, жаргон, обращение и приветствие на языке или диалекте аудитории). Задача переводчика также осложняется тем фактом, что политический дискурс обращается к иерархии ценностей, которая имеет значение только в рамках определенной культуры, для которой фактически и был создан политический дискурс.

Главное, на что стоит обратить особое внимание переводчику в процессе перевода текстов политического дискурса, так это установка влияния коммуникативных и прагматических компонентов ситуации взаимодействия на стратегию перевода текстов политического дискурса. Коммуникативная ситуация – неотъемлемая часть базовой модели перевода. Внимание

переводчика на компоненты коммуникативной ситуации должно быть обращено как в исходном тексте, так и в переведенном [Югай 2019: 85].

Политические тексты отличаются наличием специфических словосочетаний, обладающих сильной эмоциональной окраской. Их перевод представляет трудность для переводчика, в связи с тем, что такие сочетания не всегда фиксируются в двуязычных словарях. Для адекватного перевода переводчику необходимо тщательно проанализировать контекст, в котором употребляется словосочетание, чтобы определить, какое значение оно выражает. Данные факторы напрямую влияют на эффективность процесса межкультурной коммуникации, а основным среди них является межкультурная эквивалентность. В нашей работе под данным термином будет пониматься максимально возможное равенство содержательной, смысловой, стилистической, семантической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе.

1.2.1. Типы и уровни эквивалентности

Наиболее близок к пониманию термина «эквивалентность» в Л.С. Бархударов, который называет эквивалентность семантической категорией, реализующейся в смысловом совпадении текстов ИЯ (исходный язык) и ПЯ (переводящий язык) [Бархударов 2008]. В работах европейских и американских исследователей эквивалентность воспринимается именно как семантическая категория, связанная с отношениями смыслового тождества между текстами ИЯ и ПЯ, а также и с отношениями максимально достижимого тождества между текстами ИЯ и ПЯ.

Говоря об эквивалентности текстов, также следует определенным образом ограничить данное понятие на основании существования различных уровней восприятия текста. Так, в российском переводоведении говорят о *коммуникативной, функциональной, прагматической и семантической эквивалентности*. Ведущей в этой иерархии является коммуникативная

эквивалентность, связанная с представлениями о тождественном коммуникативном эффекте, который оказывают на реципиентов — носителей языка тексты ИЯ и ПЯ. Термин «функциональная эквивалентность» подразумевает не только эквивалентность между функцией исходного текста в исходной культуре и функцией текста перевода в языке-получателе, но и то, что «функцию» можно рассматривать, как одну из характеристик текста [Липатова, Литвинов 2011: 108].

Полная коммуникативная эквивалентность может быть достижима лишь тогда, когда есть функциональная, прагматическая и семантическая эквивалентность. В зарубежных школах переводоведения наряду с этой точкой зрения широко представлено мнение о приоритете семантической эквивалентности текстов. Под семантической эквивалентностью текста понимают максимально возможную передачу смысла текста ИЯ, который складывается не только из смысловых пропозиций текста, но и жанровой формы, стилистических свойств, а также возможных коннотаций и приращенных смыслов.

Изучение проблемы эквивалентности привело исследователей к разработке нескольких типологий и к необходимости выделить несколько типов эквивалентных отношений в зависимости от уровня отношений единиц перевода (уровень морфем, слов, словосочетаний и предложений) или типа информации (денотативная, коннотативная, прагматическая).

Одной из наиболее подробных является типология В. Коллера. Он выделяет референциальную, или денотативную, эквивалентность (*referential, or denotative equivalence*), предусматривающую сохранение предметного содержания текста; коннотативную эквивалентность (*connotative equivalence*), предусматривающую передачу коннотаций текста путем целенаправленного выбора синонимичных языковых средств, когда единицы ИЯ и единицы ПЯ вызывают те же или сходные ассоциации у их носителей; контекстуальную или текстуально-нормативную эквивалентность (*textnormative equivalence*), ориентированную на жанровые признаки текста, на речевые и языковые нормы,

когда единицы ИЯ и единицы ПЯ по преимуществу употребляются в одинаковом или сходном контекстном окружении; прагматическую эквивалентность (*pragmatic equivalence*), предусматривающую определенную установку на получателя, когда единицы ИЯ и единицы ПЯ вызывают те же или сходные эмоции у носителей языка; формальную эквивалентность (*formal equivalence*), ориентированную на передачу художественно-эстетических, каламбурных, индивидуализирующих и других формальных признаков оригинала, при которой слова ИЯ и слова ПЯ характеризуются фонетическим или орфографическим сходством [Липатова, Литвинов 2011: 108].

Вид эквивалентности уточняется путем указания на те аспекты, в которых применяется это нормативное понятие. Таким образом, речь идет об инварианте перевода — о тех конкретных свойствах оригинала, которые должны быть сохранены в процессе перевода. Достоинством этого подхода к эквивалентности является, на наш взгляд, то, что он учитывает многогранность переводческого процесса. В. Коллер исходит из предположения, что в шкале ценностей, которыми оперирует переводчик, существуют лишь переменные величины [Липатова, Литвинов 2011: 109]. Тем самым, иерархия требований эквивалентности варьируется от текста к тексту, что не дает возможности сформулировать единственное главное требование, которое лежало бы в основе любой эквивалентности.

Существует и классификация типов эквивалентности на уровне номинативных единиц, или лексических и лексико-семантических соответствий. Она была представлена в работах Р. Арнца и М. Ханна [Липатова, Литвинов 2011: 109] на основе комплексного учета качественно-количественных сходств и различий в конкретных парах языков.

Так, была выделена *one-to-one equivalence*, которая может быть установлена между единичными словами (выражениями) двух языков и которую следует определить как лексическую эквивалентность, отношения тождества или высокой степени смысловой близости между единицами разных языков, позволяющие использовать эти единицы в качестве переводческих соответствий

во всех возможных контекстах употребления данного слова. Если в одном языке существует несколько единиц, которые находятся в отношениях смыслового тождества или близости к одной единице другого языка, то такие отношения называются отношениями *one-to-many equivalence*.

Ещё один тип отношений эквивалентности, когда единица одного языка покрывает лишь часть семантики единицы другого языка, называют *one-to-part-of-one equivalence*. И, наконец, отношения двух единиц разных языков, между которыми нет никакого смыслового сходства, и оно не может возникнуть ни в каких контекстуальных условиях, называют *nil equivalence*, то есть отсутствием эквивалентности, или нулевой эквивалентностью.

Вместе с тем не следует забывать, что любая иерархизация уровней эквивалентности всегда условно-относительна, поскольку степень сближения с оригиналом зависит от многих факторов: от профессионализма переводчика, от особенностей сопоставления языков и культур, характера переводимых текстов. В настоящем исследовании будет выбрана типология о *коммуникативной, функциональной, прагматической и семантической* эквивалентности, поскольку она лучше всего соответствует задачам, поставленным в исследовании.

1.2.2. Коммуникативная неудача

В такой сфере делового общения, как политическая коммуникация, в особенности на международном уровне, недостаточность межкультурной эквивалентности может приводить к таким острым проблемам, как коммуникативные неудачи. В процессе устных публичных выступлений политиков или переговоров на первом плане оказывается не только грамотное владение литературным языком, но и умение достичь поставленных прагматических целей, а именно убедить, воздействовать на потенциальных избирателей и партнёров. Вербальному выражению политических идей всегда уделялось пристальное внимание. Поэтому слово рассматривается политическими деятелями как инструмент воздействия на общественные массы.

Зачастую неудачное выступление вследствие небрежного языкового оформления своих мыслей и идей может обернуться для политика крахом его карьеры.

В последние десятилетия в отечественной лингвистике постепенно складывается понимание коммуникативной неудачи и причин, порождающих это явление, делаются попытки их типологизации [Формановская 2002; Ермакова, Земская 1993; Кара-Мурза 2012 и др.]. Под коммуникативной неудачей понимают «неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего» [Кузнецова 2014].

Е.С. Кара-Мурза [Кара-Мурза 2012] рассматривает коммуникативные неудачи как вариант деструктивного общения, при котором коммуниканты не добиваются взаимовыгодных результатов, ухудшают или разрывают отношения. По мнению исследователей, коммуникативные неудачи обусловлены особенностями социальной и индивидуальной природы человека, а их причины кроются в человеческом факторе и в экстралингвистических обстоятельствах: «Основная часть коммуникативных неудач порождена сдвигом в сторону „ухудшения“ понимания коммуникативных намерений говорящего» [Ермакова, Земская 1993: 48].

В представленной концепции коммуникативная неудача рассматривается как первичная слабая форма на шкале конфликтности [Кара-Мурза 2012: 194]. С этим сложно не согласиться, поскольку за последние годы после неудачных в коммуникативном плане выступлений, вызвавших шквал негативных отзывов в сети Интернет и получивших широкий общественный резонанс, от занимаемых должностей были отстранены многие политические деятели и государственные служащие. В большинстве случаев участники этих событий позднее признавались в интервью и на своих публичных страницах в социальных сетях, что имели в виду совсем иное, что их неправильно поняли.

Факторы, повлекшие за собой коммуникативные неудачи, можно разделить на два типа: экстралингвистические и лингвистические. К

экстралингвистическим причинам можно отнести различия в картинах мира, в национальных и культурных установках участников коммуникации; нарушение или неверный выбор поведенческих стереотипов; эмоциональную несдержанность говорящего. Лингвистическими факторами коммуникативных неудач чаще всего являются неверное или неточное словоупотребление (неточности и недосказанности при выражении мыслей); избыточная метафоричность; двусмысленность высказывания; использование непонятных иноязычных слов и терминов; неверный порядок слов; использование очевидных манипулятивных речевых приемов; неразличение паронимов; неуместные окказионализмы; неоправданное многословие; ошибки в интонировании (постановке логического ударения, расстановке внутрифразовых и фразовых пауз); неправильное произношение; использование инвектив; неправильный выбор речевого жанра и стиля общения; невладение речевым этикетом и др. [Кузнецова 2014].

По мнению С.Е. Поляковой, «коммуникативные неудачи в политическом дискурсе порождаются не столько различиями говорящих, сколько прагматическими факторами: желанием уйти от ответа, показать себя с лучшей стороны, очернить соперника, выявить его слабые стороны, спровоцировать на необдуманные высказывания и поступки» [Полякова 2009: 247].

В процессе общения между людьми неизбежно возникают ситуации, связанные с недопониманием, разницей в интерпретации одних и тех же событий, явлений, тем. Чаще всего эти разночтения в процессе коммуникации удается преодолеть. Однако в сфере политического общения последствия недопонимания между оратором (политиком) и его аудиторией (населением) могут быть намного серьезнее. Коммуникативные неудачи в речи политика не только негативно сказываются на деловой репутации говорящего, ставят под сомнение его профессионализм, но и могут послужить источником конфликта власти и населения. Это находит прямое подтверждение в проанализированных нами выступлениях политических деятелей.

В российском политическом дискурсе причины коммуникативных неудач можно разбить на следующие группы.

1. Фактические ошибки.

На пресс-конференции в агентстве ТАСС по поводу установки памятника Ивану Грозному в Орле губернатор Орловской области Вадим Потомский заявил: *«Иван Грозный однажды сказал: "Я виновен в смерти своего сына, потому что вовремя не отдал его лекарям". Когда они ехали в дороге, и он заболел, они ехали из Москвы в Петербург»*. [«Казань брал, Астрахань брал, Санкт-Петербург брал» Как губернатор Орловской области рассмешил соцсети полным незнанием истории. Lenta.ru. 22.07.16]. Комментарии к видеозаписи данного высказывания свидетельствуют о ярко выраженной негативной оценке граждан, указывающих губернатору на то, что город Санкт-Петербург при Иване Грозном не существовало.

2. Орфоэпические и лексические ошибки

Несмотря на то, что устная речь определяет уровень образованности человека, а к их выступлениям политических деятелей приковано пристальное внимание, они нередко допускают в своей речи грубые ошибки, которые грамотному человеку невозможно не заметить.

Владимир Мединский, тогдашний министр культуры РФ, в интервью телеканалу Россия 24 заявил: *«Продолжается наш проект по созданию современных кинотеатров в глубинке. Их сейчас около шестиста»*. [Владимир Мединский: доля отечественного кино достигла почти четверти кинорынка РФ – Россия 24. Youtube. 25.12.2018]. В данном высказывании очевидно неправильное употребление и произнесение министром числительных («около шестиста»).

Сергей Миронов, лидер партии «Справедливая Россия», высказался о привлечении уличных художников к благоустройству городских территорий во время выступления на парламентских слушаниях о молодежной политике в Госдуме: *«...То, что называется артрит. То, что рисуют граффити. Когда это было стихийно, мы видели бетонные заводы вдоль железных дорог, но во многих городах решили, а почему бы не использовать, и унылые серые кварталы*

расцвели». [Миронов оговорился и перепутал стрит-арт с артритом. Lenta.ru. 22.05.17]. В данном высказывании слово артрит употреблено в несвойственном ему значении, а точнее, как можно догадаться из контекста, имеет место смешение слов, близких по звучанию, по мнению С. Миронова: «артрит» (болезнь суставов) и «стрит-арт» (уличное изобразительно искусство). Данная ошибка искажает смысл высказывания, а также свидетельствует о недостаточной осведомленности политика в области обсуждаемого вопроса и наводит на размышления о его компетентности в вопросах молодежной политики.

3. Многословие.

Зачастую чиновникам не удается четко структурировать свое высказывание и лаконично донести свою мысль до целевой аудитории или интервьюера, в связи с чем речь оказывается перегруженной языковыми средствами, не несущими смысловой нагрузки, что затрудняет восприятие высказывания слушающим и неизбежно приводит к коммуникативной неудаче.

«Я сейчас готов взять всю ответственность на себя и сказать, что я готов ее, в принципе, взять на себя. Естественно, безусловно, надо понимать, что в развитии физической культуры не только спорт высших достижений, конечно, мы сосредоточены. Здесь такая отрасль, кого ни посади, вы будете в отставку отправлять, там, после каждого чемпионата... Вы не найдете ни одну... рода человеческой деятельности... вот, вы понимаете, не хочу приводить другие отрасли, нет мерил ответственности. Здесь вот на Олимпиаду поехали, условно, результат такой...». [Что должно произойти, чтобы Мутко подал в отставку?! Youtube. 29.06.16].

Данные высказывания перегружены синонимичными вводными конструкциями (*в принципе, естественно, безусловно, конечно, условно, там*), предложения лишены четкой структуры, отсутствует логичность и последовательность изложения, говорящий начинает новое предложение, не закончив предыдущую мысль, что в целом утяжеляет восприятие информации адресатом. Очевидно, что понимание слушающими таких высказываний осложнено вследствие языковых трудностей, испытываемых говорящим.

4. Употребление стилистически сниженной лексики.

Наиболее частотной коммуникативной неудачей является использование государственными деятелями стилистически сниженной лексики, что может быть обусловлено одной из основных тенденций перехода от официальности и сдержанности к неформальности речи.

Игорь Орлов, губернатор Архангельской области, комментируя результаты соцопросов о негативном отношении жителей к проекту в Шиесе, сказал: *«Ну их на фиг, эти цифры <...> я знаю, что я прав <...> а всякая шелупонь, которая здесь никто и звать никак, пытаются меня назвать непонятно кем. 20 лет я на этой земле, и мне плевать на их рейтинги и голосования»*. [Жертвы Шиеса. Как один мусорный полигон погубил двух губернаторов — Коми и Архангельской области. Meduza. 03.04.20]. Фамильярный тон высказывания чиновника, а также употребление прямых оскорблений, подчеркивают различие социальных статусов между говорящим и адресатом, указывает на ощущение превосходства, власти говорящего над его аудиторией и неизбежно ведет к речевому провалу, формируя у граждан негативное отношение к личности данного политика и власти в целом. Позднее, губернатор ушёл в отставку со своей должности.

Нередко стилистически сниженная лексика используется государственными служащими намеренно, с целью эмоционального воздействия на слушателя, демонстрации «близости к народу», поддержания имиджа. Президент РФ В. Путин допускает использование разговорных и эмоционально окрашенных слов в своих заявлениях, но он четко осознает цель и конечный результат такого отступления от норм языка. Так, во время встречи с семьями, награжденными орденом «Родительская слава», в ответ на реплику работающего в «Сургутнефтегазе», что ему приходится доплачивать за всю семью во время отпуска, Путин сказал: *«Владимир Леонидович вроде такой нежадный мужик-то, должен поддерживать такие семьи. Пусть он посмотрит там в «Сургутнефтегазе», компания большая, богатая...»*. [«Вроде такой нежадный мужик-то»: Путин попросил главу «Сургутнефтегаза» помогать многодетным

семьям. Новая газета. 01.06.21]. Здесь Президент РФ употребил высказывание в интенциональном значении упрёка, тем самым продемонстрировав свою поддержку работников с многодетными семьями.

Следует отметить, что положительного результата от употребления стилистически сниженной лексики в своей речи может достичь только опытный спикер и оратор, имеющий хорошую репутацию, владеющий всеми нормами языка и четко осознающий цель выступления и реакцию аудитории на его высказывания. Однако далеко не все политические деятели могут уместно использовать разговорную и эмоционально окрашенную лексику в публичных выступлениях.

Таким образом, говоря о коммуникативной неудаче в политическом дискурсе, можно сделать следующие выводы: 1) коммуникативные неудачи в политическом дискурсе неизбежно ведут к конфликту власти и общества, влияют на оценку профессиональной компетентности политика, негативно сказываются на его деловой и личной репутации; 2) наиболее частотными факторами коммуникативных неудач в политическом дискурсе являются неоправданное использование стилистически сниженной грубой лексики; переход на фамильярно-разговорный стиль общения; речевые ошибки, вызванные многословием; 3) к числу факторов, повышающих эффективность деловой коммуникации, безусловно, следует отнести риторическую компетентность политиков: умение аргументированно выражать свою позицию, грамотно используя весь спектр языковых и стилистических средств русского литературного языка.

1.3. Коммуникативные стратегии в политическом дискурсе

1.3.1. Понятие коммуникативной стратегии и тактики

Человек, представленный в лингвистике как языковая личность, в течение своей жизни участвует в безграничном количестве коммуникативных актах. Он выбирает определённую модель речевого поведения в соответствии целью общения, чтобы обеспечить эффективную межличностную коммуникацию. Для того чтобы акт общения в итоге оправдал ожидания и завершился благополучно, адресант использует определенный набор речевых средств и приёмов, способствующих реализации его интенции. Данный речевой арсенал определяется коммуникативной стратегией.

В современном языкознании существует несколько определений коммуникативной стратегии. В частности, В.И. Карасик предлагает трактовать коммуникативную стратегию как «последовательность интенций речевых действий, реализуемая в конкретной последовательности коммуникативных ходов, определяемая целями дискурса и реализуемая в его жанрах» [Карасик 1999]. Исходя из того, что выработка стратегии и ее адаптация осуществляются в процессе взаимодействия (до начала общения возможен лишь прогноз будущей коммуникативной ситуации), стратегия в конечном счете регулирует языковые действия, а также формирует социальную действительность в соответствии с выбором субъектов коммуникации.

Т.А. ван Дейк описывает коммуникативную стратегию как «некую общую инструкцию для каждой конкретной ситуации интерпретации» [Дейк 2000: 274]. Более того, посредством той или иной стратегии могут достигаться как личные цели говорящего, так и общие социальные цели. На выбор же определенной линии речевого поведения, по мнению лингвиста, влияет конкретное намерение говорящего, проявляющееся в данной ситуации (когнитивно-дискурсивный подход).

В противовес такому подходу исследователь Е.В. Ключев настаивает на определении данного явления как «совокупность запланированных говорящим

заранее и реализуемых в ходе коммуникативного акта теоретических ходов, направленных на достижение коммуникативной цели» [Клюев 1998: 136] При этом выработка той или иной стратегии зависит от конкретной интенции коммуникатора. Лингвист В.С. Анохина, рассматривая коммуникативную стратегию, дает этому явлению наиболее общее из всех представленных определение: «выбор определенной линии речевого поведения в конкретной ситуации в интересах достижения цели коммуникации» [Анохина 2008: 66].

Важно разделять коммуникативные стратегии и тактики и смежные понятия. Так, О.С. Иссерс указывает на фундаментальное отличие коммуникативных стратегий от речевых актов и жанров – в отличие от последних, стратегия может иметь не одну, а несколько четко определенных целей [Иссерс 2008]. Стратегия – когнитивный план общения, контролирующий характер коммуникации, оптимальным образом реализующий коммуникативные цели и задачи коммуниканта; в отличие от максим общения, стратегия не является его обязательной характеристикой [Иссерс 2008].

Таким образом, на сегодняшний день в языкознании существует большое количество определений коммуникативной стратегии, которые можно разделить на несколько групп в соответствии с используемым подходом (когнитивным, прагматическим, психологическим). Однако наиболее целесообразным представляется рассматривать данное явление как сложный лингвистический феномен, возникший в результате взаимодействия вышеперечисленных подходов. В данном исследовании мы будем понимать под коммуникативной стратегией общую цель говорящего в рамках конкретного акта коммуникации, а коммуникативные тактики как конкретный речевой ход в процессе осуществления коммуникативной стратегии, направленный на решение частной коммуникативной задачи на конкретном этапе. Т.е., коммуникативная стратегия определяет коммуникативное поведение адресанта и реализуется посредством совокупности речевых ходов (тактик), репрезентируемых комплексом вербальных и невербальных средств.

1.3.2. Основные стратегии и тактики политического дискурса

На данный момент в научной литературе отсутствует единая, общепринятая классификация стратегий и тактик политического дискурса. Среди коммуникативных стратегий выделяются следующие их виды: дискурсивные, стилистические, семантические, прагматические, риторические, диалоговые и т. д. Далее будут перечислены наиболее востребованные классификации.

Е.И. Шейгал среди стратегий политического дискурса называет стратегию вуалирования, затушёвывания нежелательной информации; стратегию мистификации (сокрытие истины, сознательное введение в заблуждение); стратегию анонимности (деперсонализации) как приём снятия ответственности [Шейгал 2000].

О.С. Иссерс [Иссерс 2008] к основным стратегиям относит те, которые непосредственно связаны с воздействием на адресата, его модель мира, систему ценностей, поведение; это могут быть стратегии информирования, дискредитации, подчинения и т. д. Вспомогательные же стратегии, по мнению О.С. Иссерс, способствуют эффективной организации диалогового взаимодействия и могут быть подразделены на прагматические (построение имиджа, формирование эмоционального настроения), диалоговые (контроль над темой, контроль над инициативой) и риторические (привлечение внимания, драматизация) [Иссерс 2008].

К.Е. Калинин [Калинин 2009] выделяет:

1) стратегию презентации (тактика обещания, пример личного опыта, индукция позитивного эмоционального состояния);

2) стратегию призыва (ссылки, аллюзии, реитерации, уверенная презентация, искренность оратора);

3) стратегию самопрезентации (критика, дискредитация оппонентов, реитерации, аллюзии, закрепление позитивного образа, использование ключевых фраз, параллелизм, рамочная конструкция, эмоциональный призыв);

4) стратегию дискредитации оппонента (тактика логической аргументации, демонстрация, подбор информации и её интерпретация в необходимом свете, призыв, создание негативного образа, постулирование авторитетного мнения) [Калинин 2009: 171].

Следует также отметить, что К.Е. Калинин рассматривает данные стратегии в качестве разновидностей стратегии убеждения, поскольку фундаментальная цель перечисленных стратегий состоит в регулировании физической и интеллектуальной деятельности адресата, а обязательным элементом является наличие аудитории.

Любопытную классификацию основных стратегий и тактик политического дискурса приводит в своем исследовании Г.А. Туманова [Туманова 2016]. В ней она выделяет три основные группы стратегий: (1) стратегии, используемые для завоевания власти, (2) стратегии, используемые для удержания власти и (3) универсальные стратегии, используемые всеми субъектами ПД. К первой группе прежде всего относятся стратегия дискредитации (тактика создания негативного образа оппонента/ов, критика оппонента/ов, аллюзии, тактика обвинения, тактика оскорбления, тактика провокации, тактика оппозиционирования, тактика оскорбления; тактика обвинения; тактика десантирования) и стратегия нападения. Среди стратегий, используемых для удержания власти, Г.А. Туманова называет стратегию презентации: (тактика обещания, пример личного опыта), информационно-интерпретационную стратегию и стратегию (само)защиты, которая обусловлена необходимостью ответить на выпады или атаки оппонентов (его обвинения и оскорбления).

В нашем исследовании мы будем придерживаться классификации коммуникативных стратегий политического дискурса, предложенной О.Н. Паршиной [Паршина 2005], которая, на наш взгляд, наиболее полно представляет существующие стратегии и их соотношение с тактиками, что наилучшим образом отвечает поставленным в работе целям. О.Н. Паршина предлагает следующую систему классификации коммуникативных стратегий и реализующих их тактик в дискурсе в сфере политической коммуникации:

1) стратегия убеждения:

- агитационная стратегия: тактика призыва и тактика обещания;
- аргументативная стратегия, которая реализуется с помощью тактики иллюстрирования, тактики сопоставительного анализа, указания на перспективу и обоснованных оценок;

2) стратегии удержания власти:

- стратегия создания эмоционального настроения адресата: тактики единения, обращения к эмоциям адресата, учета ценностных ориентиров адресата;
- информационно-интерпретационная стратегия, которая представлена тактикой признания существования проблемы, акцентирования положительной информации, разъяснения, комментирования, а также тактикой рассмотрения проблемы под новым углом зрения и указания на путь ее решения;

3) стратегия борьбы за власть:

- стратегия самозащиты, которая формируется благодаря тактике критики, оспаривания и оправдания;
- манипулятивная стратегия: манипулятивные тактики и демагогические приемы;
- стратегия нападения и дискредитации представлены тактикой оскорбления и обвинения;

4) стратегия самопрезентации, которая реализуется с помощью тактики оппозиционирования, тактики солидаризации, тактики отождествления.

Выводы

Политический дискурс, как объект политической лингвистики, не имеет строгого определения. Исходя из рассмотренных подходов, можно заключить, что данный объект представляет собой совокупность вербальных и невербальных проявлений коммуникации, а также весь спектр экстралингвистических факторов, помогающих слушателю воспринимать информацию.

Существует широкое и узкое понимания политического дискурса. В узком понимании (Т. ван Дейк) политический дискурс – это строго определенный класс жанров, ограниченный политической сферой, дискурс является политическим лишь тогда, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке, т.е. политический дискурс – это исключительно дискурс политиков. В широком понимании (Е.И. Шейгал, Э.В. Будаев и др.) политический дискурс содержит такие формы коммуникации, в которых к сфере политики имеет отношение хотя бы один из компонентов – субъект, адресат или содержание сообщения. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Т.А. ван Дейка и определяем «политический дискурс» как совокупность речевых актов политических акторов в сфере политической коммуникации.

Современный политический дискурс представляет собой сложный семиотический конструкт, в основе которого находятся дискурсивный, идеологический и культурный коды. Большинство отечественных исследователей, занимающиеся проблемой политического дискурса [Гаврилова 2004, Григорьева 2007, Чудинов 2006], выделяют следующие функции: *коммуникативная, побудительная, эмотивная, фатическая и метаязыковая*. Отличительные черты современного политического дискурса (агрессивность, ироничность, чёрный юмор) напрямую соотносятся с его функциями. Российскому политическому дискурсу данные черты больше свойственны, чем японскому, поскольку японский политический дискурс более консервативен: в нём преобладает нейтральный стиль речи, подавляющий лишнюю экспрессию у

оратора. Соответственно, в речах японских политиков менее выражены агрессия и ироничность.

Политические тексты отличаются наличием специфических словосочетаний, обладающих сильной эмоциональной окраской. Их перевод представляет трудность для переводчика, в связи с тем, что такие сочетания не всегда фиксируются в двуязычных словарях. Для адекватного перевода переводчику необходимо тщательно проанализировать контекст, в котором употребляется словосочетание, чтобы определить, какое значение оно выражает. Данные факторы напрямую влияют на эффективность процесса межкультурной коммуникации, а основным среди них является межкультурная эквивалентность - максимально возможное равенство содержательной, смысловой, стилистической, семантической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе.

В российском переводоведении выдвигают следующую типологию эквивалентности, которая состоит из *коммуникативной, функциональной, прагматической* и *семантической* эквивалентности. Ведущей в этой иерархии является коммуникативная эквивалентность. Обратной стороной межкультурной эквивалентности является коммуникативная неудача - неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего.

Коммуникативные неудачи в политическом дискурсе неизбежно ведут к конфликту власти и общества, влияют на оценку профессиональной компетентности политика, негативно сказываются на его деловой и личной репутации. Наиболее частотными факторами коммуникативных неудач в политическом дискурсе являются неоправданное использование стилистически сниженной грубой лексики; переход на фамильярно-разговорный стиль общения; речевые ошибки, вызванные многословием. К числу факторов, повышающих эффективность деловой коммуникации следует отнести риторическую компетентность политиков: умение аргументированно выразить

свою позицию, грамотно используя весь спектр языковых и стилистических средств русского литературного языка.

Для того чтобы акт общения в итоге оправдал ожидания и завершился благополучно без каких-либо коммуникативных неудач, адресант использует определенный набор речевых средств и приёмов, способствующих реализации его интенции. Данный речевой арсенал определяется коммуникативной стратегией, которая является общей целью говорящего в рамках конкретного акта коммуникации, а коммуникативные тактики — это конкретный речевой ход в процессе осуществления коммуникативной стратегии, направленный на решение частной коммуникативной задачи на конкретном этапе.

На данный момент в научной литературе отсутствует единая, общепринятая классификация стратегий и тактик политического дискурса. Среди коммуникативных стратегий выделяются следующие их виды: дискурсивные, стилистические, семантические, прагматические, риторические, диалоговые. В нашем исследовании мы будем придерживаться классификации коммуникативных стратегий политического дискурса, предложенной О.Н. Паршиной [Паршина 2005], которая представлена следующим образом: стратегия самопрезентации, стратегия дискредитации и нападения, манипулятивная стратегия, стратегия самозащиты, информационно-интерпретационная стратегия, стратегия формирования эмоционального настроения адресата, аргументативная стратегия, агитационная стратегия.

Глава 2. Анализ лексических средств в русском и японском политическом дискурсе

2.1. Концепт-анализ, применяемый в работе

2.1.1. Понятие и структура концепта

Рассмотрение дискурса как «вербализации определенной ментальности» предполагает представление ряда понятий, которые позволят осмыслить когнитивную организацию дискурса. О.Л. Михалёва выделяет такие термины, как концепт, фрейм, сценарий, ментальное пространство и т.п. В частности дискурс, как отмечено выше, определен как «вербализация определенной ментальности»; ментальность (или ментальное пространство) понимается как «совокупность концептов и место локализации определенного концепта»; концепт является ментальным образованием, которое обладает комплексной структурой, воплощаемой фреймом; фрейм в свою очередь служит инструментом для «структурирования концепта»; сценарий определяется как «упорядоченная последовательность действий, “когнитивная операция типа правил концептуального вывода”, обеспечивающая выбор набора слотов из структурирующего определенным концептом фрейма» [Михалёва 2009: 24].

Для нашего исследования целесообразно остановиться на концепте. Несмотря на то, что концепт является инструментом оперирования в когнитивной лингвистике [Маслова 2011: 13], его изучение в рамках лингвокультурологии представляет особый интерес для данной работы, так как это позволит нам изучить непосредственно сам политический концепт и то, как он представлен на понятийном и образном уровнях.

Единство дискурса определяется преимущественно таким критерием, как концепт. Концепт является сложной категорией, не подлежащей «частной смысловой редукции: тематической, аксиологической, стилистической» [Белых 2019: 37]. Следовательно, концепт отличается своей универсальностью. Более того, сложным остаётся дать содержательное и функциональное определение концепту, так как он является одновременно и функцией, и содержанием.

Вербализация концепта в материально-знаковую систему придает концепту условность, не позволяет рассмотреть концепт полностью. В большинстве случаев концепт раскрывается в глубоких и комплексных построениях нормативных текстов, разворачивающих образ концепта.

Впервые в отечественной науке термин концепт был употреблен С.А. Аскольдовым-Алексеевым в 1928 г. Ученый определил концепт как мысленное образование, которое замещает в процессе мысли неопределенное множество предметов, действий, мыслительных функций одного и того же рода (концепты «растение», «справедливость», математические концепты) [Аскольдов-Алексеев 1997]. Таким образом, ученый определяет концепт как что-то обобщённое, что-то общее, то, что имеет какое-либо наименование целому классу предметов или действий.

В.И. Карасик приводит ряд подходов к концептам, развиваемых разными авторами. Среди них приведём следующие:

- концепт – это личностное осмысление, интерпретация объективного значения и понятия как содержательного минимума значения [Лихачёв 1997];
- концепт — это абстрактное научное понятие, выработанное на базе конкретного житейского понятия [Соломоник 1975];
- концепт - сущность понятия, явленная в своих содержательных формах - в образе, понятии и в символе [Колесов 2012];
- концепты - своеобразные культурные гены, входящие в генотип культуры, самоорганизующиеся интегративные функционально-системные многомерные (как минимум трёхмерные) идеализированные формообразования, опирающиеся на понятийный или псевдопонятийный базис [Ляпин 1977].

Сам В.И. Карасик характеризует концепты как «ментальные образования, которые представляют собой хранящиеся в памяти человека значимые осознаваемые типизируемые фрагменты опыта», «многомерное ментальное образование, в составе которого выделяются образноперцептивная, понятийная и ценностная стороны», «фрагмент жизненного опыта человека», «переживаемая информация», «квант переживаемого знания» [Карасик 2004]. В осмыслении

концепт – это важная неотъемлемая часть жизни человека и его опыта, воспоминания, переживания. Фрагменты жизненного опыта человечества отражаются в словах.

Несмотря на большое количество определений, большинство исследователей склонны согласиться с тем, что концепт – это сложное ментальное явление, что существенно осложняет его изучение. Для политического дискурса концепт служит высшим смысловым ориентиром в любом его выражении, «высшее условие смыслового единства и устойчивости дискурса, но он же – источник его внутренних конфликтов, противоречий, отрицаний – внутренних импульсов смыслового развития дискурса» [Белых 2019: 52]. Политический дискурс рассматривает концепт как основу национально-политической идентификации личности.

Следует отметить, что невербализованные концепты не поддаются всеобщему пониманию. Следовательно, концепт становится частично «доступным» посредством своей вербализации. Для изучения концептов необходимо выявить и проанализировать языковые средства их репрезентации, а также смоделировать их структуры. Таким образом, реализация концепта происходит в речи, в средствах языка и подлечит сознанию.

Ученые отмечают, что следует различать структуру концепта и его содержание: «Содержание концепта образовано когнитивными признаками, отражающими отдельные признаки концептуализируемого предмета или явления и описывается как совокупность этих признаков. Содержание концепта внутренне упорядочено по полювому принципу – ядро, ближняя, дальняя и крайняя периферия» [Сабадашова 2016].

В.И. Карасик, определяя концепт как многомерное смысловое образование, выделяет в нем ценностную, образную и понятийную стороны. [Карасик 2004: 3-16] Предметно-образная составляющая сводится к целостному обобщенному следу в памяти, связанному с тем или иным предметом, явлением, событием, качеством. Предметно-образная сторона концепта моделируется в идее фрейма.

Понятийная составляющая – рациональная часть концепта, включающая существенные характеристики объекта.

Оценочный слой концепта вписывает его в систему ценностей языковой личности и может быть представлен в ядре концепта, когда оценка включается в словарное значение лексической единицы, приядерной зоне (оценочные коннотации) или периферийной зоне (личностные окказиональные оценки и эмоции). Ассоциативный слой концепта – это совокупность ассоциаций, возникающих в сознании при репрезентации концепта. Наиболее частотные, типичные ассоциации репрезентируют ядерную и приядерную зону концепта, единичные – периферийную зону.

Методологически важными мы считаем рассуждения о структуре концепта Ю.С. Степанова. Концепт, по его мнению, включает в себя такие компоненты, как «1) основной, актуальный признак; 2) дополнительный или несколько дополнительных, пассивных признаков, являющихся уже не актуальными, а историческими; 3) внутреннюю форму, обычно вовсе не осознаваемую, запечатлённую во внешней словесной форме». [Степанов 1997: 40-43] Первый компонент – основной, актуальный признак концепта – значим носителям того или иного языка, той или иной культуры. Выраженный вербально, он является средством коммуникации представителей, определенной этноса, нации, народа. В отличие от него второй компонент обнаруживает свою актуальность далеко не для всего этноса; он доступен для представителей определенной социальной группы, для конкретного микросоциума. И, наконец, третий компонент – этимологический признак или внутренняя форма – является наименее актуальным для концептоносителей любой культуры, поскольку историей жизни слова занимаются преимущественно специалисты конкретных наук.

Обобщение точек зрения на концепт и его определения в лингвистике позволяет прийти к следующему определению: совокупность находящихся в сознании представлений о предметах или явлениях, выражающаяся языковыми и неязыковыми средствами, которые прямо или косвенно отражают его содержание.

2.1.2. Структура анализа концепта

В литературе можно встретить разные подходы к анализу концептов, которые строятся на различных способах их описания и основываются на использовании различного исследовательского материала. Можно выделить три основных источника, используемых для исследования концептов:

- словарный материал;
- текстовый материал (данные о функционировании репрезентантов концепта в текстах);
- экспериментальный материал (данные психолингвистических экспериментов).

В современном языкознании существует множество методов исследования концептов: концептуальный анализ, историко-сопоставительный анализ, дефиниционная интерпретация, компонентный анализ, стилистическая интерпретация, дистрибутивный анализ, методика контекстного и текстового анализа, когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств, верификация полученного когнитивного описания у носителей языка. Вместе с тем, по сути, они сводятся к двум основным подходам: когнитивному и лингвокультурологическому.

При когнитивном подходе (Н.Д. Арутюнова, Е.С. Кубрякова, Д.С. Лихачев, И.А. Стернин и др.) исследуются лексемы, значения которых составляют содержание национального языкового сознания и формируют картину мира носителей языка. В этом случае концептами считаются любые языковые единицы, в значении которых просматривается способ семантического представления. При лингвокультурологическом подходе (С.Г. Воркачев, В.И. Карасик, Н.А. Красовский, Ю.С. Степанов и др.) к числу концептов относят семантические образования, отмеченные лингвокультурной спецификой, отражающие менталитет языковой личности данной этнокультуры.

Различие между этими подходами незначительно и в этом вопросе нам близка точка зрения С.Г. Воркачева, согласно которой лингвокогнитологические

исследования характеризуются типологической направленностью и ориентированы на выявлении общих закономерностей в формировании ментальных представлений, в то время как лингвокультурология ориентируется преимущественно на изучение специфического в ментальных единицах и описывает отличительные семантические признаки. «По существу отличия эти, говоря юридическим языком, ничтожны, поскольку отделить культуру от формы её языкового представления невозможно» [Воркачев 2001].

В литературе встречается множество разных подходов к структуре анализа концепта. Наиболее целесообразным для данной работы нам видится структура анализа, предложенная И.А. Стерниным и З.Д. Поповой:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств.

Для данной структуры анализа при описании номинативного поля концепта актуален термин «репрезентанты концепта. В нашей работе репрезентанты концепта – это все лексико-семантические варианты, связанные определенными отношениями с ядерным понятием концепта.

Проводя исследование концепта, нужно понимать, что в результате будет получено только отображение части концепта, а не полное и исчерпывающее его описание. Это происходит, потому что:

- Концепт представляет собой объёмную нежёстко структурированную ментальную единицу, исчерпывающе ее выразить языковыми средствами просто невозможно.
- В концепте всегда есть невербализованная часть содержания.
- Всегда есть возрастная, профессиональная, гендерная, а также индивидуальная составляющие концепта, которые далеко не во всем объёме вербализуются и их далеко не всегда удаётся обнаружить в полном объёме при описании концепта.

- Ни один исследователь и ни один лингвистический метод не может выявить и зафиксировать все средства языковой и речевой репрезентации концепта в данном социуме, всегда что-то остаётся «за кадром», не зафиксированным и, следовательно, неучтённым.

- Концепт величина динамичная, в огромной степени зависящая от состояния общества, общественной ситуации: «содержание концепта, а также его взаимосвязи с другими концептами зависят от изменений в массовом сознании, которые в свою очередь определяются изменениями в общественной жизни, сменой приоритетов и ценностей. [Крючкова 2005]. Другими словами, любая модель концепта – это лишь исследовательская модель, некоторое приближение к концепту как ментальной единице.

2.2. Сравнительный анализ концептов «Япония» и «Россия» в русском и японском политическом дискурсе.

На наш взгляд, наиболее целесообразным представляется проведение анализа лексических средств в русском и японском политическом дискурсе через построение концептов «Япония» и «Россия» на основе речей российских и японских политиков. Для построения концепта «Япония» нами были выбраны речи президента России Владимира Путина и министра иностранных дел Сергея Лаврова, поскольку концепт «Япония» наилучшим образом представлен в речи данных политиков в рамках российско-японских отношениях.

Что касается концепта «Россия», то он наибольшим образом представлен в речи бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ, поскольку его восьмилетний период правления - дольше, чем все другие правительства в истории конституционного государства в Японии [От Абэ к Суге. Московский центр Карнеги. 21.03.2021], - был ознаменован небывалым ростом межправительственных контактов, внимания СМИ к проблемам двусторонних отношений. Более того, за годы у власти он встречался с Владимиром Путиным 27 раз, а с апреля 2013 года целых 11 раз был в России с визитом, в том числе

четырежды ездил на Восточный экономический форум во Владивостоке. [Прощальные уступки. Почему России важно успеть улучшить отношения с Японией. Московский центр Карнеги. 03.06.2020]

Данные факторы обусловили наш выбор российских и японских политиков для построения концептов «Япония» и «Россия».

2.2.1. Концепт «Япония»

Для построения концепта «Япония» нами были отобраны 61 и 64 стенограммы выступлений на различных мероприятиях, переговоров, интервью, пресс-конференций и заявлений Владимира Путина и Сергея Лаврова соответственно, за период 2004 – 2021 гг. Данный временной промежуток был выбран, поскольку он совпадает со сроками нахождения у власти Владимира Путина на должности президента и премьер-министра, и со сроками пребывания Сергея Лаврова на посту министра иностранных дел.

В результате изучения материала стенограмм Владимира Путина было выделено 9 лексем, репрезентирующих концепт у Владимира Путина: «премьер-министр» (136), «мирный договор» (65), «партнёры» (57), «друзья» (18), «коллеги» (28), «японская сторона» (23), «сосед» (16), Курильские острова (46) и Декларация 56-го года (26). Наиболее частотными являются четыре лексемы: «премьер-министр», «мирный договор», «партнёры» и «Курильские острова». Данные лексемы составляют ядерную зону концепта.

1. Репрезентант «мирный договор». Владимир Путин подчёркивает важность этого договора для обеих стран, негативно характеризует его отсутствие, за которое ответственна японская сторона. Переговоры по мирному договору оценивает положительно, вместе с тем добавляя, что японская сторона в прошлом прекращала их. В связи с этим, сочетания, относящиеся к репрезентанту «мирный договор» можно условно разделить на четыре доминантные темы: «заключение мирного договора», «отсутствие мирного

договора», «проблема мирного договора» и «переговоры по мирному договору».

К ним относятся следующие сочетания:

- Заключение мирного договора – «будем стремиться», «буду стремиться», «на определённых условиях», «непростая задача», «предмет переговоров», «самое главное», «договорились активизировать работу».
- Отсутствие мирного договора – «анахронизм», «анахронизм прошлого», «ненормальная ситуация», «не даёт развивать отношения».
- Проблема мирного договора – «вопрос», «очень много нюансов», «самая сложная», «не была решена», «досталась нам из прошлого».
- Переговоры по мирному договору – «возобновить», «содержательные», «остановились», «прекращены», «Япония прекратила», «Япония приостановила», «диалог».

2. Репрезентант «Курильские острова». Владимир Путин при упоминании Курильских островов зачастую обращается к Декларации 56-го года – документу, подписанному СССР и Японией о прекращении состояния войны между двумя странами, где СССР соглашается на передачу двух островов (Хабомаи и Шикотан) после заключения мирного договора. Более того, устойчиво присутствует и экономическая тема, а именно совместная хозяйственная деятельность, в рамках сотрудничества двух стран. Учитывая данные факторы целесообразно разделить сочетания с данным репрезентантом на три группы:

- Декларация 56-го года – «Советский Союз готов был два острова передать», «на каких условиях не написано», «Япония отказалась от выполнения договорённостей», «два южных острова передаются».
- Переговоры - «японская позиция очень часто менялась», «по японской инициативе прекратили», «возобновили по просьбе», «японцы попросили».
- Сотрудничество - «создаём возможность посещения», «совместная хозяйственная деятельность», «будем способствовать посещению», «организована поездка», «безвизовое посещение», «программа Абэ».

3. Репрезентант «премьер-министр» был разделён на две темы. Формальное обращение к премьер-министру Японии доминирует над

неформальным в силу дипломатического протокола. Тем не менее, существенное количество сочетаний с неформальным обращением говорит о личной дипломатии в российско-японских отношениях.

- Формальное обращение – «уважаемый господин», «Синдзо Абэ», «господин Абэ», «господин Синдзо Абэ», «Абэ», «господин», «Вы»

- Неформальное обращение – «Синдзо», «дорогой Синдзо», «ты».

4. Владимир Путин часто прибегает в речи к использованию метонимии («коллеги», «сторона», «друзья», «сосед», «партнёры»), однако наиболее частотным явился репрезентант «партнёры», поскольку Владимир Путин стремится обозначить Японию как равноправного участника совместной деятельности (чаще всего переговорной). Стремясь выделить важность Японии как партнёра, Владимир Путин обращается к её образу. В этой связи репрезентант «партнёры» и его словосочетания были разделены на три темы:

- Переговоры – «постоянно меняли позицию», «возобновили диалог», «просили нас», «обсудили», «выходят за рамки декларации», «решили претендовать на 4 острова».

- Экономика – «участвуют в проекте», «присоединились к проекту», «производят».

- Образ – «наши», «естественные», «абсолютно естественные», «важные», «перспективные».

Учитывая все вышеобозначенные особенности репрезентации концепта «Япония» в речи Владимира Путина, была составлена структура концепта «Япония», где Д-56 – это Договор 56-го года. Структура представлена ниже:

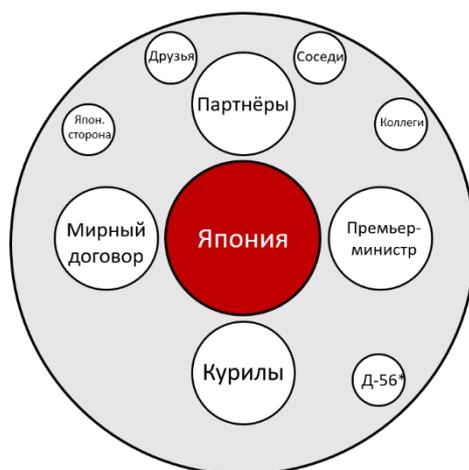

Рисунок 1. Структура концепта «Япония» у президента РФ Владимира Путина

При изучении материала стенограмм министра иностранных дел Сергея Лаврова было выделено 12 лексем, репрезентирующих концепт «Япония»: «коллеги» (80), «премьер-министр» (119), «министр иностранных дел» (110), «мирный договор» (102), «Курильские острова» (76), «друзья» (16), «партнёры» (20), «соседи» (27), «японская сторона» (15), «совместная хозяйственная деятельность» (35) и «Декларация 56-го года» (37). К ядерной зоне концепта относятся 5 репрезентантов: «премьер-министр», «министр иностранных дел», «мирный договор», «коллеги» и «Курильские острова». У Владимира Путина и Сергея Лаврова достаточно много совпадающих репрезентантов, однако в дискурсе первого практически отсутствует сочетание «совместная хозяйственная деятельность» (только 7 совпадений против 35). Наиболее частотными также являются «премьер-министр», «мирный договор» и «Курильские острова», но у Сергея Лаврова доминирует репрезентант «коллеги», тогда как у Владимира Путина – «партнёры». Поскольку Сергей Лавров занимает должность министра иностранных дел, то в его дискурсе имеется также репрезентант «министр иностранных дел».

1. Репрезентант «мирный договор». Сергей Лавров характеризует мирный договор как «необходимый», а его подписанию «препятствует нежелание японских коллег». Высказывается негативно в отношении японской стороны по поводу проблемы мирного договора. В отличие от Владимира Путина,

присутствует лексема «северные территории» - так в Японии называют Курильские острова, - при использовании которой сопровождается устойчивым сочетанием «так называемые» с пометой пренебрежения. Более положительно Сергей Лавров описывает переговорный процесс по мирному договору с Японией. В этой связи актуально разделить данный репрезентант на три темы со следующими сочетаниями:

- Заключение мирного договора - «необходимость», «обсуждаем необходимость», «договаривались сконцентрироваться», «нежелание японских коллег препятствует», «непростая задача», «стоит на повестке дня».
- Проблема мирного договора - «высказались за поиск решения», «не связана с проблемой т.н. “северных территорий”», «затронули», «в Японии верх берут радикальные подходы», «позиции прямо противоположны».
- Переговоры по мирному договору - «разговор», «диалог» «договорились активизировать», «поручено ускорить», «договорились возобновить», «мы готовы продолжать», «договорились продолжать», «готовы продолжать вести».

2. Репрезентант «Курильские острова». В дискурсе Сергея Лаврова репрезентант «Курильские острова» устойчиво сочетается с лексемой «Декларация 56-го года», к которой он обращается чаще Владимира Путина (37 и 26 упоминаний соответственно). В отличие от Владимира Путина, в дискурсе Сергея Лаврова поднимается вопрос принадлежности Курильских островов, который «не обсуждается», прямо заявляя о суверенитете Российской Федерации над островами. Более того, у Сергея Лаврова присутствует негативная оценка сотрудничества России и Японии. Данные факторы обусловили следующую тематическую структуру репрезентанта:

- Декларация 56-го года - «в качестве жеста доброй воли передать», «вопрос не о возвращении, а о передаче», «вопрос территориального размежевания», «принадлежность всех четырех островов», «не отказываемся».
- Принадлежность - «являются территорией РФ», «признание суверенитета», «вопросы суверенитета не обсуждаются», «северные территории», «восточные рубежи РФ», «территории России», «вошли в состав на законных основаниях».

- Сотрудничество - «совместная хозяйственная деятельность», «безвизовый обмен», «очень скромный и невпечатляющий размер».

3. Репрезентант «коллеги». В речи Сергея Лаврова преобладает нейтральное обращение к японской стороне в виде лексемы «коллеги», которое он использует при описании переговорного процесса с Японией. Сергей Лавров редко использует лексему с положительной оценкой «друзья», в отличие от Владимира Путина. Чаще всего у Сергея Лаврова японские коллеги «наши». При описании переговорного процесса доминирует в речи негативная оценка. Поскольку японские коллеги «отошли от выполнения Декларации 1956 года», Сергей Лавров и российская сторона «неоднократно напоминает» о договорённостях. Однако «нежелание японских коллег признать итоги Второй мировой войны» негативно сказывается на переговорном процессе по поводу подписания мирного договора. Таким образом, репрезентант «коллеги» следует разделить на следующие темы и сочетания:

- Переговорный процесс (+) – «мы обсуждаем», «высказали ряд интересных идей», «обещали отреагировать», «могут пользоваться всеми преимуществами», «выразили признательность», «попросили», «поддержали предложение, «мы признательны», «лучше стали понимать», «мы говорили», «идея не отвергается», «договорились».

- Переговорный процесс (-) – «нежелание признать итоги Второй мировой войны», «не откликаются», «нас заверяют», «мы передали», «никак не могут изменить позицию», «мы продолжаем разъяснять», «мы не нарушаем договорённости», «мы обратили внимание», «мы ознакомили», «отошли от выполнения Декларации 1956 года», «мы ещё раз напомнили», «хотел бы призвать следовать договорёностям», «в очередной раз привлекли внимание», «вновь привлекли внимание», «напоминаем», «появились сложности».

- Образ – «наши», «некоторые», «уважаемые».

4. Репрезентант «премьер-министр». Данная лексема в речи Сергея Лаврова неотъемлемо сопровождается использованием лексемы «Президент» в отношении Владимира Путина в силу занимаемых ими должностей глав

государств и личностного характера российско-японских отношений. Сергей Лавров только описывает их взаимодействие на переговорном процессе, что заметно по частому использованию глаголов в 3-м лице. Оценок, как и образа, премьер-министра Японии не присутствует в речи Сергея Лаврова. Использованные сочетания строятся вокруг нескольких тем и достигнутых по ним договорённостей между лидерами двух стран. Темы выглядят следующим образом:

- Мирный договор – «чёткие указания», «поставили задачи», «договорённости достигаются между Президентом», «договорённостей достигли», «множественно подчёркивали», «выполняем поручения Президента», «поставили цель», «реализация договорённости», «договорились развивать», «в соответствии с поручениями Президента», «обсуждали».

- Совместная хозяйственная деятельность – «были одобрены», «договорились активизировать работу», «договорились стремиться», «есть что доложить Президенту», «условились».

- Визит глав государств – «очередная встреча Президента», «встреча между Президентом», «заявление по поводу высказываний», «условились», «визит», «провели переговоры».

5. Репрезентант «министр иностранных дел». Сергей Лавров использует в отношении своего японского коллеги лексику, лишённую яркой стилистической окраски. За исключением одного из бывших министров иностранных дел Таро Коно, с которым у Сергея Лаврова сложились дружеские отношения. Как и Владимир Путин, Сергей Лавров не оценивает работу министра иностранных дел, отзываясь о ней скорее положительно. Таким образом выглядит тематическая группа репрезентанта «министр иностранных дел»:

- Переговорный процесс – «переговоры прошли конструктивно», «в формате "2+2"», «мы привлекли внимание», «переговоры прошли в конструктивном ключе», «переговоры были очень полезными», «обсуждали вопрос», «по-прежнему настроены на работу», «проводим переговоры».

- Визит – «очень тесные, регулярные контакты», «сообщил», «наши контакты будут продолжаться», «интенсивные контакты», «контакты интенсифицировались».

- Образ – «мой коллега», «господин», «дорогой Таро», «Таро-сан», «уважаемый», «хотел бы выразить признательность».

Суммируя вышеобозначенные особенности репрезентации концепта «Япония» в речи Сергея Лаврова, была составлена структура концепта «Япония», где СХД и Д-56 – Совместная хозяйственная деятельность и Договор 56-го года соответственно. Она выглядит следующим образом:

Рисунок 2. Структура концепта «Япония» у министра иностранных дел РФ Сергея Лаврова

2.2.1. Концепт «Россия»

Серьёзным образом отличается концепт «Россия» и его репрезентация у японского премьер-министра Синдзо Абэ. В качестве материала было отобрано 40 стенограмм выступлений на различных мероприятиях, переговоров, интервью, пресс-конференций и заявлений за период 2012 – 2020 гг., когда Синдзо Абэ занимал должность премьер-министра Японии и российско-японские контакты были наиболее интенсивными.

В ходе изучения материала было выделено 7 лексем, репрезентирующих концепт «Россия» в речи Синдзо Абэ: «президент» (218), «мирный договор» (99), «острова» (61), «план сотрудничества из 8 пунктов» (42), «совместная

хозяйственная деятельность» (25), «Дальний Восток» (19), «российские граждане» (13). Совпадения по репрезентантам «мирный договор», «острова» и по лидерам стран объясняются тем, что главная тема российско-японских отношений, которые развивались благодаря инициативе лидеров двух стран, – это мирный договор. В отличие от Сергея Лаврова и Владимира Путина, Синдзо Абэ редко прибегает к использованию перифраз и метонимии. Что в официально-деловой речи, что в политической перифразы могут употребляться для того, чтобы избежать прямого именованя объекта, события или придать ему нейтральный характер. Отсутствие такого тропа в речи премьер-министра Японии объясняется одной из особенностей японского политического дискурса - подавление излишней экспрессии, т. е. преобладание нейтрального стиля в выступлениях. Более того, лексема «северные территории» в дискурсе Синдзо Абэ практически не представлена (только 3 совпадения), поскольку адресатом выступлений являются российские политики, в частности Владимир Путин и Сергей Лавров, у которых использование данной лексемы вызывает негативную реакцию.

Необходимо также объяснить, что такое план сотрудничества из 8 пунктов, поскольку в дискурсе Синдзо Абэ данная лексема часто имеется. Данный план был предложен Синдзо Абэ в ходе одной из встреч с президентом России Владимиром Путиным. Он заключается в инновационной реформе промышленности и экономики России с целью увеличения уровня жизни российских граждан. [План сотрудничества из восьми пунктов. Посольство Японии в России] Упоминание премьер-министром данного плана обуславливает присутствие лексемы «российские граждане» в политическом дискурсе Синдзо Абэ.

Следует подробнее остановиться на 3 репрезентантах, формирующих ядерную зону концепта «Россия».

1. Репрезентант «мирный договор». Данный репрезентант схож по своей структуре с репрезентантом «мирный договор» в речи Сергея Лаврова. Синдзо Абэ положительно оценивает современный этап переговорного процесса по

поводу мирного договора, тогда как в прошлом переговоры «находились в состоянии застоя». Однако признает, что проблему мирного договора «решить нелегко», но необходимо. Данные факторы обусловили тематическую структуру репрезентанта, которая выглядит следующим образом:

- Заключение мирного договора – «самый сложный и самый важный», «углублённо поговорили», «твёрдо намерен», «необходимо», «на основе взаимного доверия», «договорились стремиться», «хотим рука об руку вдвоём идти по пути».

- Проблема мирного договора – «вопрос», «подтвердили решимость разрешить», «заявили об искренней готовности решить», «решить нелегко», «объявили честную решимость разрешить», «выразили самое искреннее стремление решить».

- Переговоры по мирному договору - «ускорить» «приветствуем активный ход», «возобновить», «находились в состоянии застоя», «будем интенсивно развивать», «будем ускорять».

2. Репрезентант «острова». В речи Синдзо Абэ присутствует проблема принадлежности Курильских островов, которые в Японии официально именуется «северными территориями». Тем не менее, премьер-министр Японии называет их чаще всего «островами», «островами на севере», «северными островами». В отличие от Владимира Путина и Сергея Лаврова, Синдзо Абэ редко апеллирует к Декларации 56-го года, чем можно объяснить его позицию, что проблема принадлежности – это «вопрос четырёх островов», поскольку в Декларации 56-го года сказано о возможности передачи двух островов. Для Синдзо Абэ в вопросе Курильских островов важно экономическое сотрудничество с Россией, что отражается и на сочетаниях с репрезентантом «острова», где доминирует «совместная хозяйственная деятельность». Более того, утрата суверенитета Японии над островами создала проблему «бывших жителей»: японцы, жившие на островах, были вынуждены покинуть их. Это проблема также отражена в сочетаниях, которые имеют наибольшую

стилистическую окраску. По этим причинам структура репрезентанта «острова» выглядит следующим образом:

- Принадлежность – «вопрос четырёх островов», «проблема», «принципиальная позиция остаётся неизменной».
- Сотрудничество – «совместная хозяйственная деятельность», «план сотрудничества из восьми пунктов», «сможем пожинать плоды совместной работы».
- Бывшие жители - «идти навстречу чаяниям и исполнить желание», «посещение могил», «туризм», «свободное перемещение», «с нетерпением ждут», «проживание», «реализовать мечту», «искренние пожелания».

3. Репрезентант «президент». Данный репрезентант в дискурсе Синдзо Абэ часто сопровождается стилистическими приёмами, не свойственными японскому политическому дискурсу, в особенности, когда речь заходит о проблеме «бывших жителей». Репрезентант отображает установку премьер-министра Абэ на личностную дипломатию, но не семантический аспект действующего субъекта. Переговорный процесс с Владимиром Путиным Синдзо Абэ оценивает положительно, подчёркивая важность их доверительных отношений. Несмотря на это, Синдзо Абэ придерживается обращения на «Вы», в отличие от Владимира Путина, который нередко прибегает к обращению на «ты». Данные факторы обусловили следующую тематическую структуру репрезентанта:

- Доверительные отношения – «он мне дорог как партнёр», «мы с ним можем обсуждать любые вопросы», «полностью совпадаем», «отношения доверия», «более углубить отношения», «хочу от всей души поблагодарить».
- Переговоры – «провели встречу», «углубленно поговорили», «договорились ускорить», «установили традицию встречаться», «визит способствовал взлёту отношений», «удалось договориться», «смогли откровенно обсудить», «поговорили с глазу на глаз», «договорились».
- Образ – «понял их чувства», «господин», «Владимир», «с неподдельной серьёзностью письмо прочитал», «хорошо знает».

Сделав анализ репрезентанта «президент» с его сочетаниями, была составлена структура концепта «Россия», где СХД и ПС8 – Совместная хозяйственная деятельность и План сотрудничества из восьми пунктов. Она выглядит следующим образом:

Рисунок 3. Структура концепта «Россия» у бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ

2.3. Сравнительный анализ лексических средств реализации коммуникативных стратегий в аспекте межкультурной эквивалентности

Иллюстративным материалом для анализа лексических средств реализации коммуникативных стратегий русского политического дискурса послужили 5 текстов выступлений и интервью Владимира Путина и Сергея Лаврова в период премьерства Синдзо Абэ 2012—2020 гг. В ходе исследования было выявлено 3 доминирующих стратегии, используемые Владимиром Путиным (стратегия самопрезентации, информационно-интерпретационная стратегия, аргументативная стратегия), и 4 доминирующих стратегии, используемые Сергеем Лавровым (стратегия самопрезентации, информационно-интерпретационная стратегия, аргументативная стратегия, стратегия дискредитации и нападения).

Стратегия самопрезентации в политическом дискурсе Владимира Путина и Сергея Лаврова тесно связана с двумя репрезентантами концепта «Япония» - «Курилы» и «мирный договор». Более того, стратегия самопрезентации у Владимира Путина также связана с репрезентантом «премьер-министр», что можно объяснить установкой на личностную дипломатию Владимира Путина. В стратегию самопрезентации входят следующие тактики: тактика отождествления, тактика солидаризации, тактика оппозиционирования.

В рамках тактики отождествления, относящейся к стратегии самопрезентации, особое место в речи Владимира Путина занимают существительные с обобщённым значением, как например существительное «партнёр/партнёры», позволяющие донести до адресата (японской стороны) идею «равноправия» в совместной деятельности.

- *«Мы, как я уже говорил, естественные партнёры, потому что, разумеется, чего греха здесь таить, мы заинтересованы в участии Японии, скажем, в развитии российского Дальнего Востока в целом, в получении технологий».*
- *«Япония – сосед и важный партнёр России в Азиатско-Тихоокеанском регионе. В последнее время между нашими странами оживился политический диалог – эта встреча с господином Абэ уже четвёртая в текущем году».*

Актуально это и для Сергея Лаврова, в речи которого, однако, преобладает более нейтральное существительное «коллега/коллеги».

- *«...Это наша позиция. Поэтому мы не нарушаем договорённости с японскими коллегами о том, чтобы не комментировать подробно ход наших переговоров».*
- *«...Например, мы обращаем внимание наших японских коллег на то, что та же самая совместная хозяйственная деятельность на этих четырех островах, которую мы им предлагаем, должна вестись на основе тех законодательных актов, которые существуют в Российской Федерации».*

Использование Владимиром Путиным речевых форм («мы» в значении «мы с вами», «готовы», «хотим»), выражающих общность взглядов и устремлений, свидетельствуют об использовании тактики солидаризации.

- *«Россия является надёжным поставщиком энергоресурсов в Японию. Мы готовы к развитию этого взаимодействия, причём по самым различным направлениям».*
- *«Но ещё раз хочу подчеркнуть, и Россия, и Япония – мы искренне хотим заключения мирного договора и ищем пути того, как это сделать».*

Другая форма солидаризации с премьер-министром Синдзо Абэ проявляется в использовании неформального обращения «ты» и обращении «Синдзо».

- *«Это замечательное место. Я, Синдзо, благодарен тебе за приглашение посетить твою малую родину».*
- *«...Потом Вторая мировая война. Это сложная история с многочисленными составляющими. Но есть гуманитарный фактор. И я не могу не согласиться с Синдзо по поводу того, что пока эти вопросы не решены, нужно сделать всё для того, чтобы люди, которые имеют отношение к этим территориям, не чувствовали себя жертвами геополитических событий прошлых лет».*

В отличие от Владимира Путина, у Сергея Лаврова отсутствуют лексические средства, которые бы говорили об использовании им тактики солидаризации. В то же время, в политическом дискурсе Сергея Лаврова широко представлена тактика оппозиционирования, связанная с разграничением «своих» и «чужих». Для реализации тактики оппозиционирования Сергей Лавров использует параллельное противопоставление местоимений «мы» (российская сторона) и «они» (японская сторона), либо же прямо используя лексему «Япония».

- *«Говоря о Совместной декларации СССР и Японии 1956 г., мы, действительно, никогда не отказывались от этого документа. В отличие от Японии, которую американцы, как Вы правильно сказали, заставили «подвесить» её реализацию, заключив в 1960 г. Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией».*
- *«Наши японские коллеги никак не могут изменить свою позицию. Они говорят, что не согласны с итогами Второй мировой войны в той части, которая касается их и нас, хотя эта позиция не может быть принята, поскольку противоречит Уставу ООН».*
- *«Что касается санкций, то это не наша проблема. Мы слышали от наших японских коллег объяснения относительно того, почему Япония*

решила присоединиться к отдельным санкциям, которые ввели американцы и европейцы. Мы таких объяснений у наших японских друзей не просили, они сами как бы оправдывались перед нами».

Данную тактику Владимир Путин реализует схожим образом, однако избегая замены лексем «Япония», «японские партнёры» и «японская сторона» местоимением «они».

- *«...Нет, вот смотрите, я же говорил уже, мы вели переговоры, потом японская сторона в одностороннем порядке эти переговоры приостановила. Теперь по просьбе наших японских партнёров мы опять вернулись к этим переговорам».*
- *«Мы считаем, что у нас вообще нет никаких территориальных проблем. Это Япония считает, что у неё есть территориальные проблемы с Россией. Мы готовы на этот счёт разговаривать».*

Информационно-интерпретационная стратегия у Владимира Путина и Сергея Лаврова непосредственно связана с репрезентантами «Курилы» и «мирный договор». Это отражает намерение политиков представить информацию по проблемам заключения мирного договора и принадлежности Курильских островов, являющимся центральными в российско-японских отношениях.

Владимир Путин, как правило, не применяет тактику признания существования проблемы, когда высказывается по поводу территориальной проблемы. Более того, Владимир Путин утверждает, что проблема принадлежности Курильских островов существует только по мнению японской стороны, однако признаёт проблему отсутствия мирного договора. Выражается это высказываниями с предикатами - оценочными прилагательными. Среди них высокой частотой встречаемости отличаются прилагательные *важный, сложный* в сочетаниях с именами существительными *проблема, вопрос*. Как видно из примеров, в качестве оценочных объектов выступают наименования точки фокусировки внимания: *вопрос, проблема*.

- *«Во-первых, хочу согласиться с тем, что на протяжении последних лет, по сути, переговоры по мирному договору остановились. И нам сегодня удалось достигнуть договорённости о том, что мы контакты по этому направлению возобновим. Это, конечно, не значит, что завтра мы всё уже*

решим, если 67–68 лет **проблема** не была решена. Но, во всяком случае, мы продолжим работу над этим **сложным, но таким важным** для обеих сторон **вопросом**».

- *«Отсутствие мирного договора между Россией и Японией – это анахронизм, доставшийся из прошлого, и этот анахронизм должен быть устранён. Но как это сделать – это **вопрос сложный**».*

Похожим образом реализуется в речи Сергея Лаврова тактика признания существования проблемы. Сергей Лавров не признаёт существование территориального вопроса, но проблема мирного договора имеется. В отличие от Владимира Путина, в качестве оценочных объектов выступает лексема «задача», и выражается это следующими высказываниями с предикатами - оценочными прилагательными: *ближайшая, непростая*.

- *«Уверен, что такое качественное улучшение нашего взаимодействия, его перевод в фазу доверительного партнерства будет способствовать цели, которую поставили Президент России В.В.Путин и Премьер-министр Японии С.Абэ. Напомню, они высказались за поиск такого решения по **проблеме мирного договора**, которое будет однозначно поддержано и принято народами наших стран. Это **очень непростая задача**, но у нас есть терпение и готовность двигаться к тому, чтобы выйти на общее понимание».*
- *«**Тему мирного договора** нельзя сводить к каким-то **территориальным вопросам**, тем более к территориальным претензиям хотя бы потому, что единственный документ, который был подписан и ратифицирован обеими сторонами – Совместная декларация 1956 г., – гласит, что стороны отказались от каких-либо претензий друг к другу, и **ближайшей задачей является подписание мирного договора**. Упоминания о том, что на переговорах о мирном договоре будет рассматриваться **территориальный вопрос**, не существует».*

Тактика разъяснения – ключевой элемент реализации информационно-интерпретационной стратегии в политическом дискурсе Владимира Путина. Разъяснение необходимо потому, что адресант должен учитывать отсутствие нужных фоновых знаний у адресата и поэтому не ограничиваться констатацией факта, а сопровождать свой ответ или выступление дополнительной информацией. Данная тактика связана с репрезентантами «мирный договор», «Курилы», «Д-56». На речевом уровне тактика разъяснения реализуется

глаголами в форме прошедшего времени и краткими страдательными причастиями.

- *«...Вы вспомнили про декларацию 1956 года, и в декларации были прописаны правила, которые подлежали исполнению с обеих сторон и которые **должны были быть** положены в основу заключения мирного договора. Там, если Вы помните, если Вы посмотрите внимательно текст этой декларации, **написано**, что мы сначала заключаем мирный договор, потом вступает в действие декларация, и два острова передаются Японии. **Не сказано**, на каких условиях передаются, под чьим суверенитетом это остаётся. Но тем не менее такой документ **был подписан**. Но он **был не только подписан**, он **был ратифицирован** как Верховным Советом СССР, то есть парламентом Советского Союза тогда, так и парламентом Японии».*
- *«Для того чтобы полноценно ответить на Ваш вопрос, мне **придётся** хотя бы очень коротко, хотя бы в двух словах, но всё-таки **обратиться к истории**... Ведь Япония впервые **получила** острова южнокурильской гряды в 1855 году, когда адмирал Путягин окончательно, по согласованию с правительством России и императором, **передал** эти острова под японскую юрисдикцию, потому что до тех пор Россия считала, что эти острова принадлежат ей, поскольку открыты русскими мореплавателями...».*
- *«Когда я был в Японии несколько лет назад, я **публично вспомнил историю** вообще этих территорий. Когда-то Россия **абсолютно законно считала** их полностью своими и **передала** все эти острова добровольно **в знак дружбы** с Японией по решению российского императора. Потом **возникли известные трагические события** 1905 года, русско-японская война, возникла ситуация на Сахалине. Потом Вторая мировая война. Это сложная история с многочисленными составляющими».*

Сергей Лавров реже обращается к истории российско-японских отношений, чем Владимир Путин, однако тактика разъяснения в его речи также связана с такими репрезентантами, как «Д-56», «СХД», «мирный договор» и «Курилы». Частотными показателями тактики разъяснения является устойчивая конструкция с лексемой *касается* (что касается...). Более того, при применении информационно-интерпретационной стратегии и реализующих её тактик в речи Сергея Лаврова возникает репрезентант «северные территории». Это отличается от политического дискурса Владимира Путина, в котором отсутствует данное

сочетание. Репрезентант «северные территории» сопровождается устойчивым сочетанием «так называемые», имеющая оттенок пренебрежительности. Учитывая данные особенности российского политического дискурса, можно сказать, что использование японской стороной сочетания «северные территории» потенциально может привести к коммуникативной неудаче.

- *«Что касается приоритетности, то все эти области заслуживают внимания. Там есть системный вопрос, который касается свободы передвижения. Для того, чтобы заниматься **совместной хозяйственной деятельностью** желательно не иметь препятствий для перемещения между Японией и Российской Федерацией. В рамках **совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах** были созданы рабочие группы: по коммерческим аспектам совместной хозяйственной деятельности, правовым аспектам и по созданию режима свободного передвижения жителей Сахалинской области и префектуры Хоккайдо».*
- *«Что касается мирного договора. Действительно, на пресс-конференции в январе этого года я сказал, что проблема мирного договора напрямую не связана с проблемой **т.н. «северных территорий»**, как вы называете их в Японии».*

Близка к тактике разъяснения тактика комментирования, представленная высказываниями, поясняющими смысл контекста или некоторых слов, высказываний. В речи Владимира Путина данная тактика также связана с репрезентантами «Д-56», «мирный договор» и «Курилы». Помимо того, что имеются случаи метакомментирования в репликах, присутствуют также дискурсивные слова, выполняющие рефлексивную функцию (*правда, значит, наверное*).

- *«Я бы добавил. Во-первых, **хочу согласиться с тем, что на протяжении последних лет, по сути, переговоры по мирному договору остановились. И нам сегодня удалось достигнуть договорённости о том, что мы контакты по этому направлению возобновим**».*
- *«Но в **соглашении 56-го года** говорится о **двух островах**, а Вы сейчас сами сказали о том, что **Премьер-министр ставит вопрос о четырёх островах. Значит, мы уже вышли за рамки соглашения 56-го года, это совсем другая ситуация и другая постановка вопроса**».*
- *«Кроме того, мы вернулись к переговорам на базе **Декларации 1956 года**, которая предполагала, если вы помните, возвращение Японии двух*

островов, **правда**, непонятно, на какой основе. Но окончательно Декларация вступала в силу, и там это написано, после заключения мирного договора».

- «Нет, вот смотрите, я же говорил уже, мы вели **переговоры**, потом **японская сторона** в одностороннем порядке эти переговоры приостановила. Теперь по просьбе наших японских партнёров мы опять вернулись к этим переговорам. Какая команда подаётся в этом случае в дзюдо? Вы знаете лучше меня, **наверное**, – ёши («продолжайте»). Вот мы и будем продолжать».

В тактике комментирования у Сергея Лаврова имеются следующие репрезентанты: «Д-56» и «Курилы». В речи министра иностранных дел не имеются случаи метакомментирования, а из дискурсивных слов присутствуют только «действительно» и «прежде всего», выполняющие рефлексивную и композиционно-строевую функции соответственно.

- «Говоря о **Совместной декларации СССР и Японии 1956 г.**, мы, **действительно**, никогда не отказывались от этого документа. В отличие от Японии, которую американцы, как Вы правильно сказали, заставили «подвесить» её реализацию, заключив в 1960 г. Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией».
- «Сегодня мы подтвердили нашу готовность работать на основе **Декларации 1956 г.**, что означает, **прежде всего** непреложность самого первого шага – признание нашими японскими соседями итогов Второй мировой войны в полной объеме, включая суверенитет Российской Федерации над всеми островами **Южной Курильской гряды**».

Следующая тактика, относящаяся к информационно-интерпретационной стратегии, - тактика указания на путь решения проблемы. Она отсутствует в политическом дискурсе Сергея Лаврова, в отличие от Владимира Путина. Для реализации данной тактики Владимир Путин использует несколько приёмов: указание на возможные способы достижения решения и указание на возможные решения. Главным решением проблемы российско-японских отношений и целью переговоров для Владимира Путина является заключение мирного договора. По этой причине он как правило не указывает на возможные результаты решения, лишь на способы, одним из которых является совместная хозяйственная деятельность. Более того, Владимир Путин неоднократно упоминает премьер-

министра Синдзо Абэ в своей речи при реализации данной тактики, положительно характеризуя его роль в развитии российско-японских отношений. Маркерами тактики указания на путь решения проблемы являются чаще всего форма будущего времени глаголов несовершенного вида (*будем действовать, будет способствовать, будем реализовывать*) и модальные слова с глаголом начальной формы (*нужно создавать*).

- *«Если мы будем действовать по всем этим направлениям, мы создадим как раз условия, те самые условия доверия, о которых говорит господин Абэ, для того чтобы сделать ещё один шаг – заключить мирный договор на определённых условиях».*
- *«В этом контексте вместе с господином Абэ поддержали инициативу налаживания совместной хозяйственной деятельности на Южных Курилах. Рассчитываем, что такое сотрудничество будет способствовать созданию благоприятной атмосферы для продолжения переговоров по заключению мирного договора».*
- *«Я посмотрел, Вы добросовестно зачитали этот вопрос по бумаге. Я бы попросил Вас передать тем, кто Вам его продиктовал, следующее: эта проблема (не мы её создали) досталась нам из прошлого, ещё почти 100 лет назад. И мы искренне хотим её решить на приемлемых условиях для обеих сторон. Если вы хотите нам помочь, то это возможно: нужно создавать условия доброжелательного друг к другу отношения и создания обстановки доверия».*
- *«Эти острова вполне, если будем реализовывать планы господина Премьер-министра, могут стать не яблоком раздора между Россией и Японией, а наоборот, нечто объединяющим и Россию, и Японию. Если мы сделаем правильные шаги в направлении плана, предложенного Премьер-министром (он предложил создать отдельную структуру по хозяйственной деятельности на островах, заключить межправсоглашение, отработать механизм взаимодействия), на этой базе формировать такие условия, которые позволили бы нам добиться окончательного решения по мирному договору».*

Важная составляющая утверждения своей мысли в политическом дискурсе Владимира Путина и Сергея Лаврова - аргументативная стратегия, являющаяся разновидностью коммуникативной деятельности, направленной на убеждение адресата при помощи аргументов, т.е. средств убеждения, имеющие речевую форму выражения. Наиболее частотными тактиками являются следующие:

тактика контрастивного анализа, тактика указания на перспективу и тактика обоснованных оценок.

Тактика контрастивного анализа опирается на приём сопоставления. Как правило, Владимир Путин использует для этого сочетание глагола прошедшего времени совершенного вида и глагола настоящего времени или сочетание глагола прошедшего времени совершенного вида и глагола будущего времени совершенного вида. Данные сочетания характеризуют сопоставление как темпоральное. Говоря о причинах сохранения проблем в двусторонних отношениях с Японией Владимир Путин обращается к российско-китайским отношениям. Однако нынешний переговорный процесс, во главе которого стоит Синдзо Абэ, Владимир Путин характеризует как положительный, сопоставляя его с переговорами в прошлом.

- *«Послушайте, я же только что говорил, Вы сами об этом знаете: у нас с Китаем самый высокий двусторонний оборот, и мы всё больше и больше либерализуем наши торговые отношения. А Япония ввела против нас санкции экономические. Вы понимаете разницу или нет? Почему? В результате событий на Украине или в Сирии? Где Япония и японско-российские отношения, где Сирия и события на Украине? Значит, есть какие-то обязательства союзнические у Японии. Мы относимся к этому с уважением, но нам нужно понять степень свободы Японии и на что Япония сама готова пойти».*
- *«Во-первых, хочу согласиться с тем, что на протяжении последних лет, по сути, переговоры по мирному договору остановились. И нам сегодня удалось достигнуть договорённости о том, что мы контакты по этому направлению возобновим. Это, конечно, не значит, что завтра мы всё уже решим, если 67–68 лет проблема не была решена. Но, во всяком случае, мы продолжим работу над этим сложным, но таким важным для обеих сторон вопросом».*

В отличие от тактики контрастивного анализа, тактика обоснованных оценок присутствует в политическом дискурсе Сергея Лаврова. Чаще всего, министр иностранных дел реализует коммуникативное намерение в отношении переговорного процесса с помощью модели «заключение от причины к следствию», давая при этом положительную оценку. Модель «заключение от

следствия к причине» применяется как правило для отрицательной оценки, где неотъемлемо присутствует репрезентант «мирный договор».

- *«Однако, в экономике, особенно, в инвестиционной сфере можно сделать неизмеримо больше, чем то, что делается сейчас. Договоренность, которая была достигнута пару лет назад между Президентом России и Премьер-министром Японии, об организации совместной хозяйственной деятельности на Южных Курильских островах реализуется, но в очень скромных и невпечатляющих размерах».*
- *«...при обсуждении темы мирного договора сосредоточились, как это решили Президент России В.В.Путин и Премьер-министр Японии С.Абэ, на рассмотрении путей практической реализации договоренностей лидеров о налаживании совместной хозяйственной деятельности на южных Курильских островах... Я считаю, что переговоры были очень полезными».*
- *«Наши японские коллеги никак не могут изменить свою позицию. Они говорят, что не согласны с итогами Второй мировой войны в той части, которая касается их и нас, хотя эта позиция не может быть принята, поскольку противоречит Уставу ООН. В Уставе ООН записано, что все, что было сделано державами-победительницами по итогам Второй мировой войны пересмотру не подлежит. Пока все упирается в нежелание наших японских коллег признать итоги Второй мировой войны, что препятствует подписанию мирного договора».*

Владимир Путин зачастую применяет тактику обоснованных оценок, когда в его речи возникает репрезентант «мирный договор», при этом неоднократно употребляя плеоназм «анахронизм прошлого» для эмоционального усиления эффекта высказывания и пояснения лексемы «анахронизм». Положительная оценка Владимира Путина связана с репрезентантом «партнёры» в сочетании с частотной лексемой «естественные».

- *«Разумеется, речь шла и о проблеме мирного договора. Господин Премьер-министр сейчас уделил этому достаточно внимания. Как известно, этот вопрос обсуждается уже более семидесяти лет. Было бы наивно полагать, что мы можем в одночасье его урегулировать. Но искать решение, которое отвечало бы стратегическим интересам и России, и Японии, было бы принято народами обеих стран, безусловно, необходимо. Отсутствие до сих пор мирного договора между Россией и Японией, безусловно, является анахронизмом прошлого».*

- *«Мы, как я уже говорил, естественные партнёры, потому что, разумеется, чего греха здесь таить, мы заинтересованы в участии Японии, скажем, в развитии российского Дальнего Востока в целом, в получении технологий. И примеры хорошие есть. Скажем, в автопроме есть очень хорошие примеры, в других отраслях, в сельское хозяйство японцы приходят с удовольствием».*

Сергей Лавров не обращается в своей речи к тактике указания на перспективу, в отличие от Владимира Путина. Использование данной тактики направлено на то, чтобы выражать стратегические цели, позиции и намерения, включая также предлагаемое решение и предполагаемый результат. Главной стратегической целью является подписание мирного договора, а среди намерений Владимир Путин называет ускорение переговорного процесса, углубление сотрудничества, в котором центральной фигурой является премьер-министр Синдзо Абэ.

- *«Переговоры по заключению мирного договора последние несколько лет находились в состоянии застоя. Но на нынешних переговорах мы смогли договориться о том, что будем возобновлять переговоры, причём будем ускорять этот процесс. Я считаю это большим результатом наших встреч».*
- *«Япония жила без сотрудничества с Россией 70 лет, без глубокого сотрудничества, и мы жили. Мы можем так жить дальше? Можем. Но это будет правильно? Нет, неправильно, потому что если мы объединим усилия, конкурентоспособность наших стран и экономик многократно возрастет. К этому мы и должны стремиться.»*
- *«Просто я, отвечая на Ваш вопрос, говорю, что на первый взгляд это, казалось бы, так просто, на самом деле вся эта проблема досталась нам из прошлого. Но мы действительно, и я, и Синдзо, мы хотим её решить. И, как бы сложно это ни было, на основе декларации 1956 года, как Премьер сказал, будем двигаться в направлении полноценного урегулирования всех наших отношений, будем стремиться к заключению мирного договора».*

Тем не менее, немаловажное значение в политическом дискурсе Сергея Лаврова имеет стратегия дискредитации и нападения, чего не имеется в дискурсе Владимира Путина. Цель стратегии дискредитации – подорвать авторитет дискредитируемого объекта, а её основа – противопоставление «свои-чужие».

Министр иностранных дел в полной мере реализует тактику обвинения, направленную на японскую сторону. Объектом обвинения косвенно может выступать и премьер-министр Синдзо Абэ. Тактика обвинения у Сергея Лаврова реализуется также с помощью оценочных эпитетов с отрицательным компонентом значения: *нелегитимные (санкции), возмутительное (высказывание)*. Данная тактика неотъемлемо сопровождается использованием лексемы «США», поскольку Сергей Лавров утверждает вмешательство США в переговорный процесс России и Японии, характеризуя его как негативное, а отношения Японии с США называет «зависимыми», при этом ставя вопрос о суверенитете японской стороны.

- *«Говоря о Совместной декларации СССР и Японии 1956 г., мы, действительно, никогда не отказывались от этого документа. В отличие от Японии, которую американцы, как Вы правильно сказали, заставили «подвесить» её реализацию, заключив в 1960 г. Договор о взаимном сотрудничестве и гарантиях безопасности между США и Японией».*
- *«В целом, когда мы говорим о необходимости решать все проблемы на основе полноценного широкомасштабного развития сотрудничества, мы не можем закрывать глаза на то, что по всем тем вопросам, которые носят принципиальный характер и вызывают противоречия в ООН, Япония голосует с США против России. Не можем закрывать глаза на то, что Япония присоединилась, пусть и в усеченном варианте, к неправомерным нелегитимным односторонним санкциям, которые были наложены Западом на Россию, прежде всего, за то, что мы защитили наших соотечественников в Крыму, которые отказались принимать неконституционный государственных переворот, произошедший в феврале 2014 г. в Киеве».*
- *«Что касается высказываний К.Каваи – советника Председателя Либерально-демократической партии о том, что США должны быть заинтересованы в заключении договора между Россией и Японией, поскольку это будет «укреплять блок» по сдерживанию Китая, как он выразился, это – возмутительное высказывание. Сегодня мы сказали об этом со всей откровенностью. Наши японские коллеги обратили внимание на то, что этот джендльмен не является представителем исполнительной власти, он – помощник Председателя Либерально-демократической партии. Все это, наверное, так. Беда только в том, что Председателем Либерально-демократической партии является Премьер-министр С.Абэ. Мы сделали очень серьезное предупреждение о*

неприемлемости такого рода высказываний. Вообще поинтересовались, насколько самостоятельна Япония может быть в решении любых вопросов при такой зависимости от США. Нас заверили, что Япония будет принимать решения, исходя из своих национальных интересов. Мы хотели бы, чтобы так оно и было».

Таким образом, исходя из проанализированных текстов, можно сделать вывод о том, что Владимир Путин реализует коммуникативные тактики на лексическом уровне в большей мере, чем Сергей Лавров. В дискурсе Владимира Путина отсутствовали следующие тактики: тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения, тактика акцентирования положительной информации, тактика иллюстрирования. Используемые языковые средства помогают Владимиру Путину заявить о положительных результатах переговоров России и Японии по проблеме мирного договора, подчеркнуть роль премьер-министра Синдзо Абэ в развитии российско-японских отношений, предложившего совместный план хозяйственной деятельности на Курильских островах, и в то же время возложить ответственность на отсутствие мирного договора на японскую сторону.

В дискурсе Сергея Лаврова отсутствовали следующие тактики: тактика солидаризации, тактика рассмотрения проблемы под новым углом зрения, тактика указания на путь решения проблемы, тактика акцентирования положительной информации, тактика иллюстрирования, тактика указания на путь решения проблемы, тактика контрастивного анализа. Однако, Сергей Лавров использует стратегию дискредитации и нападения, чего не было замечено в дискурсе Владимира Путина. Проанализировав использованные языковые средства, можно сделать вывод о том, что Сергей Лавров оценивает российско-японские переговоры положительно, однако обвиняет японскую сторону в несамостоятельности при принятии решений по сотрудничеству с Россией. Более того, особенность употребления сочетания «северные территории» в дискурсе Сергея Лаврова говорит о том, что оно потенциально может приводить к коммуникативной неудаче.

Иллюстративным материалом нашего исследования лексических средств реализации коммуникативных стратегий и тактик в политическом дискурсе Синдзо Абэ послужили 5 текстов выступлений и интервью в период его премьерства (2012-2020 гг.). В ходе исследования были выявлены следующие стратегии и тактики, связанные с концептом «Россия»: стратегия самопрезентации, стратегия формирования эмоционального настроения адресата, агитационная стратегия.

Первая тактика, которую мы рассмотрели в рамках стратегии самопрезентации – тактика солидаризации. Целью данной тактики является создание впечатления общности взглядов, интересов, устремлений, ощущение «психологического созвучия» адресанта и адресата.

Для реализации тактики солидаризации в речи Синдзо Абэ нами было выявлено речевые формы установления контакта, а также выражение согласия с оценкой кого-либо или чего-либо, предположительно имеющейся у адресата:

«プーチン大統領、ウラジーミル、会場の皆さんは、今回の私たちの会談が 27 回目だったことを、御存じないかもしれません。// *Уважаемый Президент Путин! Владимир! Присутствующие дамы и господа! Может быть, не все вы знаете, но в этот раз наша встреча с Президентом Путиным была уже 27-й*».

Использование неформального обращения «Владимир» контрастирует с формальным обращением «Уважаемый Президент Путин», что сильно отличает политический дискурс Синдзо Абэ от других японских политиков. Более того, оно подчёркивает тёплые отношения двух лидеров стран.

Зачастую Синдзо Абэ солидаризируется с Владимиром Путиным путём употребления местоимения мы в значении «мы с вами». В нижеследующем фрагменте это делается для того, чтобы подчеркнуть важность решения территориального спора России и Японии:

«容易でないことは互いに知り尽くしています。しかし我々には、未来の世代に対する責任がある。北東アジアから一切の戦後の光景を一掃し、未来を真に希望に満ちたものへと変えていく責任が私たちにはあります。// *Мы оба*

прекрасно знаем, что это, конечно, непросто. Но на нас лежит ответственность за будущие поколения. Мы несём ответственность и за то, чтобы убрать из Северо-Восточной Азии последние остатки послевоенного пейзажа и изменить будущее, наполнить будущее надеждой».

Для реализации тактики отождествления в речи Синдзо Абэ также использует такое лексическое средство, как личное местоимение первого лица множественного числа «мы» и его формы. Для достижения своей цели – заключение мирного договора – политический деятель обращается к использованию языковых средств, в семантике которых заключена идея единства, общности интересов, ценностей и целей: *доверие, отношения доверия, сотрудничество*. В примере ниже адресант предлагает «выйти из своих цитаделей подозрений» через формирование доверия путём развития отношения с помощью плана сотрудничества из 8 пунктов, чтобы сделать отношения двух стран «прекрасными», а народы «богатыми»:

«私とプーチン大統領は、この猜疑心の砦から出て、そのような考え方は捨てて、私たち二人の信頼関係の下に両国が協力していくことによって、どのような素晴らしい関係になっていくか、両国の国民の生活もどのようによくなっていくか、富を生み出していくかを示すことによって、信頼を醸成しよう、そのような新しいアプローチをとるという決断を具体化したものが、今回の8項目の提案でもある。// *Нынешнее предложение из восьми пунктов — одно из проявлений конкретизации решения применить новый подход, заключающийся в том, чтобы сформировать доверие, показав, насколько прекрасными станут наши отношения, как улучшится жизнь народов двух стран и родятся новые богатства путем сотрудничества двух стран на основе отношений доверия между мной и президентом Путиным, если мы выйдем из своих цитаделей подозрений и отбросим подобный образ мыслей».*

В следующем фрагменте тактика отождествления проявляется также в использовании им эмоционально окрашенной лексики, тем самым Синдзо Абэ характеризует свои отношения с Владимиром Путиным как глубоко личные и доверительные:

«プーチン大統領とは既に 23 回会談している。私にとって、いつお目にかかってもお互いに胸襟を開いて議論ができる関係である。// *С президентом Путиным мы уже встречались 23 раза. И всегда я чувствую, что с ним можно поговорить по душам, он мне дорог как партнер*».

Стратегия формирования эмоционального настроения адресата является одной из ключевых стратегий политического дискурса Синдзо Абэ, связанных с репрезентантом «Президент». В первую очередь, он это делает путём использования тактики единения и тактики обращения к эмоциям адресата.

В качестве примера рассмотрим следующий фрагмент, в котором Синдзо Абэ рассказывает о визите Владимира Путина в Нагато – в родной город Синдзо Абэ:

«雪の降る長野で、プーチン大統領を迎えた 12 月。私の故郷で、北方四島の元島民の切実な思いを託した手紙を、プーチン大統領は真剣な眼差しで読んでくれました。あの時の君の姿は、私の瞼に今も焼き付いています。自由に先祖のお墓参りをし、故郷を訪れたい。そして、故郷で朝を迎えたい。プーチン大統領は記者会見で、心打たれた、と率直に語ってくれました。// *В декабре прошлого года я приветствовал Президента Путина в Нагато. Шёл снег. На моей родине Президент Путин прочёл письмо от бывших жителей островов, от бывших жителей северных территорий, четырёх северных островов, в котором они делились с ним своей болью, своими сокровенными мыслями. Глаза Президента Путина были внимательны и серьёзны. Твой взгляд в тот момент, весь твой облик я и сейчас очень хорошо помню. Люди писали: «Хочу без стеснения, свободно посетить могилу своих предков, родные края, хочу встретить утро на своей малой родине». На пресс-конференции Президент Путин **честно и откровенно** сказал, что он был глубоко тронут».*

Языковыми маркерами тактики обращения к эмоциям адресата в данном примере являются эмоционально-экспрессивные лексические единицы и лексические единицы с положительной оценкой: 切実な思い (сокровенные мысли), 真剣な眼差し (глаза были внимательны и серьёзны), 心打たれた (глубоко тронут), 率直 (честно и откровенно). Более того, в переводе высказывания

Синдзо Абэ содержится многообразие, потенциально приводящее к коммуникативной неудаче. Связано это с сочетанием «北方四島» (четыре северных острова), к использованию которого Синдзо Абэ чаще всего прибегает, поскольку сочетание 北方領土 (Северные территории), как правило, вызывают негативную реакцию с российской стороны. Переведя данное сочетание изначально некорректно – *острова, Северные территории*, - переводчик с российской стороны впоследствии использовал более подходящее сочетание «четыре северных острова».

«私たちは今、歴史の潮目に立っている。向かうべき道、なすべき努力ははっきりしている。日本とロシアの未来の世代のために働くこと。日本国民、ロシア国民、互いの信頼関係をより深め、平和条約を締結して両国間に永続的な平和と安定を築き上げ、日本とロシアが地域と世界の繁栄を守り育てる、一大勢力となること。そのため互いに勇気をふり絞り、あらゆる困難を乗り越えていこうではありませんか。 / *Сейчас мы находимся на поворотном пункте истории, и та дорога, по которой нам следует идти, и те усилия, которые нам нужно прилагать, они очевидны. Нам надо работать для будущих поколений наших стран, – Японии и России – чтобы наши народы могли углубить отношения и сотрудничество, подписать заключительный договор и построить продолжительный и устойчивый мир и стабильность между нашими странами. И тогда мы сможем внести свой единый вклад в обеспечение процветания региона и мира. Для этого нам с Президентом, нам обоим, нужно проявить максимальную смелость и преодолеть все трудности.*

Тактика единения в данном фрагменте реализована путем использования местоимений первого лица множественного числа «мы» и его форм, а также притяжательного местоимения «наш». Каждый из компонентов фрагмента способствует задаче объединить слушателей, чтобы «подписать заключительный договор». Усиливается это путём употребления лексемы «единый» в сочетании со «вкладом» для описания мирного договора между Россией и Японией, который обеспечит «процветание региона и мира». Созданию настроения на подписание мирного договора способствует использование

парных рядов однородных членов с союзом и: ... *могли углубить отношения и сотрудничество / построить продолжительный и устойчивый мир и стабильность*. Поскольку тактика единения тесно связана с тактикой обращения к эмоциям адресата, то здесь также присутствуют эмоционально-экспрессивные лексические единицы: максимальная смелость, поворотный пункт истории, процветания региона и мира.

В следующем примере Синдзо Абэ акцентирует внимание на такой общечеловеческой потребности, весьма значимой для большинства граждан России, как здоровье, что относится к тактике учета ценностных ориентиров адресата:

«日本が担う役割の第一は、ロシア人の健康をのばすことです。乳幼児を救うこと、お年を召した方が健康で長生きできるようにすることです// *Самая первая и важная роль, которую играет Япония, это укрепление здоровья жителей России, а именно помощь новорожденным и содействие достижению целей здорового долголетия*».

Основная интенция агитационной стратегии заключается в воздействии на чувства и психологическое состояние аудитории, настраивая её на выполнение определенных поступков, прибегая к аффективным средствам. Агитационная стратегия эксплицируется тактикой призыва. Данная стратегия в дискурсе Синдзо Абэ чаще всего связана с репрезентантами «мирный договор» и «острова».

«ゴールまで、ウラジーミル、二人の力で、駆けて、駆け、駆け抜けようではありませんか。歴史に対する責任を、互いに果たしてまいりましょう。平和条約を結び、両国国民が持つ無限の可能性を、一気に解放しましょう。そのほとんど次の刹那、日本とロシアの連結は、地域を変える。世界を、大きく変え始めるでしょう。// *Владимир! Давай вдвоём сделаем всё, чтобы мы продолжали двигаться к этой цели всё время, пока мы не достигнем её, всё время двигаться вперёд. Давай возьмём на себя ответственность перед историей, давай заключим мирный договор и тем самым откроем дорогу тем самым безграничным возможностям, которые есть у народов наших стран. Такая связь между Японией и Россией уже очень*

скоро сможет изменить регион. И я уверен, что она будет значительно менять весь мир».

Тактика призыва в данном примере реализуется с помощью частицы «давай» со значением призыва к действию. Лексический повтор вспомогательного глагола “ まし ょ う ” («давай») способствуют усилению воздействия на адресата и увеличивают вероятность того, что слушатели выполнят необходимые действия.

При реализации стратегии самопрезентации, стратегии формирования эмоционального настроения адресата и агитационной стратегии у Синдзо Абэ присутствовали следующие тактики: тактика солидаризации, тактика отождествления, тактики единения, тактика обращения к эмоциям адресата, тактика призыва. Используемые Синдзо Абэ языковые средства помогают оценить положительно нынешнее состояние переговоров России и Японии, подчеркнуть центральную роль Владимира Путина в их развитии, призывая его к продолжению переговоров и подписанию мирного договора, а также заявить о необходимости развития сотрудничества через проведение плана сотрудничества из 8 пунктов.

Таким образом, исходя из проанализированных стенограмм выступлений Владимира Путина, Сергея Лаврова и Синдзо Абэ, мы считаем, что в японском политическом дискурсе имеются следующие лексемы и сочетания, потенциально приводящие к коммуникативной неудаче: 北方領土 (Северные территории), 北方四島 (четыре северных острова), 四島 (четыре острова). Использование сочетания 北方領土 (Северные территории) встречает негативную реакцию с российской стороны. Зачастую сопровождается устойчивым сочетанием «так называемые» с пометой пренебрежения. Синдзо Абэ как правило использует сочетания 北方四島, 四島 (четыре северных острова, четыре острова) для обозначения Курильских островов, что является реализацией им стратегии вуалирования.

Выводы

Рассмотрение политического дискурса в рамках лингвокультурологии необходимо через анализ концепта и репрезентирующих его лексических средств, позволяющий осмыслить когнитивную организацию дискурса. Концепт представляет собой совокупность находящихся в сознании представлений о предметах или явлениях, выражающаяся языковыми и неязыковыми средствами, которые прямо или косвенно отражают его содержание.

В литературе встречается множество разных подходов к структуре анализа концепта. Наиболее целесообразным для данной работы нам видится структура анализа, предложенная И.А. Стерниным и З.Д. Поповой:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств.

Для данной структуры анализа при описании номинативного поля концепта актуален термин «репрезентанты концепта». В нашей работе репрезентанты концепта – это все лексико-семантические варианты, связанные определенными отношениями с ядерным понятием концепта.

Был проведён анализ лексических средств в русском и японском политическом дискурсе через построение концептов «Япония» и «Россия» на основе речей российских и японских политиков. Для построения концепта «Япония» нами были выбраны речи президента России Владимира Путина и министра иностранных дел Сергея Лаврова, поскольку концепт «Япония» наилучшим образом представлен в речи данных политиков в рамках российско-японских отношениях. Для построения концепта «Россия» были выбраны речи бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ, поскольку его восьмилетний период правления был ознаменован небывалым ростом межправительственных контактов.

По результатам анализа был сделан вывод о том, что концепт «Япония» в речи Владимира Путина и Сергея Лаврова достаточно схожи, неоднородные, складывается не из единственного актора. Присутствует значительное число репрезентантов-перифраз, формирующий образ Японии как народ, а не как внешнеполитический субъект. Устойчиво упоминается премьер-министр Японии, а у Сергея Лаврова также упоминается министр иностранных дел. Практика привязки образа главы государства к образу страны практически не имеет. Наиболее частотными являются лексемы «премьер-министр», «мирный договор» и «Курильские острова», однако у Сергея Лаврова доминирует репрезентант «коллеги», тогда как у Владимира Путина – «партнёры».

В политическом дискурсе Владимира Путина и Сергея Лаврова преобладает использование стратегии самопрезентации, информационно-интерпретационной и аргументативной стратегий, однако в дискурсе второго присутствует использование стратегии дискредитации и нападения. Использованные языковые средства реализации коммуникативных стратегий и тактик помогают Владимиру Путину заявить о положительных результатах переговоров России и Японии по проблеме мирного договора, подчеркнуть роль премьер-министра Синдзо Абэ в развитии российско-японских отношениях, предложившего совместный план хозяйственной деятельности на Курильских островах, и в то же время возложить ответственность за отсутствие мирного договора на японскую сторону. Сергей Лавров также оценивает российско-японские переговоры положительно, однако обвиняет японскую сторону в несамостоятельности при принятии решений по сотрудничеству с Россией.

Концепт «Россия» в речи Синдзо Абэ монолитен, то есть складывается из единственного актора. Россия понимается сугубо как государство, внешнеполитический субъект. Отсутствуют примеры воспроизводства таких единиц как Россия в коннотациях «россияне» или «бизнес-сообщество». Наиболее частотными репрезентантами являются: «президент», «мирный договор» и «острова».

Устойчиво упоминается президент России, фиксируется речевая практика привязки образа главы государства к образу страны. Встречаются обороты, когда название страны (Россия) посредством метонимии заменяется именем главы государства (Президент Путин). Благодаря этому, можно выделить в содержании концепта страны в качестве составляющего актора Президента Путина.

Отличаются в речи Синдзо Абэ и преобладающие коммуникативные стратегии, выглядящие следующим образом: стратегия самопрезентации, стратегия формирования эмоционального настроения адресата, агитационная стратегия. Используемые Синдзо Абэ языковые средства помогают оценить положительно нынешнее состояние переговоров России и Японии, подчеркнуть центральную роль Владимира Путина в их развитии, призывая его к продолжению переговоров и подписанию мирного договора, а также заявить о необходимости развития сотрудничества через проведение плана сотрудничества из 8 пунктов.

Исходя из проанализированных стенограмм выступлений Владимира Путина, Сергея Лаврова и Синдзо Абэ, мы считаем, что в японском политическом дискурсе имеются следующие лексемы и сочетания, потенциально приводящие к коммуникативной неудаче: 北方領土 (Северные территории), 北方四島 (четыре северных острова), 四島 (четыре острова). Особенность употребления сочетания «северные территории» в дискурсе Сергея Лаврова говорит о том, что оно потенциально может приводить к коммуникативной неудаче, поскольку использование японской стороной сочетания 北方領土 (Северные территории) встречает негативную реакцию с российской стороны. Синдзо Абэ зачастую использует сочетания 北方四島, 四島 (четыре северных острова, четыре острова) для обозначения Курильских островов, что является реализацией им стратегии вуалирования.

Заключение

Политический дискурс, как объект политической лингвистики, не имеет строгого определения. Данный дискурс представляет собой совокупность вербальных и невербальных проявлений коммуникации, а также весь спектр экстралингвистических факторов, помогающих слушателю воспринимать информацию.

Существует широкое и узкое понимания политического дискурса. В узком понимании (Т. ван Дейк) политический дискурс – это строго определенный класс жанров, ограниченный политической сферой, дискурс является политическим лишь тогда, когда он сопровождает политический акт в политической обстановке, т.е. политический дискурс – это исключительно дискурс политиков. В широком понимании (Е.И. Шейгал, Э.В. Будаев и др.) политический дискурс содержит такие формы коммуникации, в которых к сфере политики имеет отношение хотя бы один из компонентов – субъект, адресат или содержание сообщения. В нашей работе мы придерживаемся точки зрения Т.А. ван Дейка и определяем «политический дискурс» как совокупность речевых актов политических акторов в сфере политической коммуникации.

Современный политический дискурс представляет собой сложный семиотический конструкт, в основе которого находятся дискурсивный, идеологический и культурный коды. Большинство отечественных исследователей, занимающиеся проблемой политического дискурса [Гаврилова 2004, Григорьева 2007, Чудинов 2006], выделяют следующие функции: *коммуникативная, побудительная, эмотивная, фатическая и метаязыковая*. Отличительные черты современного политического дискурса (агрессивность, ироничность, чёрный юмор) напрямую соотносятся с его функциями. Российскому политическому дискурсу данные черты больше свойственны, чем японскому, поскольку японский политический дискурс более консервативен: в нём преобладает нейтральный стиль речи, подавляющий лишнюю экспрессию у

оратора. Соответственно, в речах японских политиков менее выражены агрессия и ироничность.

Политические тексты отличаются наличием специфических словосочетаний, обладающих сильной эмоциональной окраской. Их перевод представляет трудность для переводчика, в связи с тем, что такие сочетания не всегда фиксируются в двуязычных словарях. Для адекватного перевода переводчику необходимо тщательно проанализировать контекст, в котором употребляется словосочетание, чтобы определить, какое значение оно выражает. Данные факторы напрямую влияют на эффективность процесса межкультурной коммуникации, а основным среди них является межкультурная эквивалентность - максимально возможное равенство содержательной, смысловой, стилистической, семантической и функционально-коммуникативной информации, содержащейся в оригинале и переводе.

В российском переводоведении выдвигают следующую типологию эквивалентности, которая состоит из *коммуникативной*, *функциональной*, *прагматической* и *семантической* эквивалентности. Ведущей в этой иерархии является коммуникативная эквивалентность. Обратной стороной межкультурной эквивалентности является коммуникативная неудача - неосуществление или неполное осуществление коммуникативного намерения говорящего, несоответствие реакции слушающего коммуникативным ожиданиям говорящего.

Коммуникативные неудачи в политическом дискурсе неизбежно ведут к конфликту власти и общества, влияют на оценку профессиональной компетентности политика, негативно сказываются на его деловой и личной репутации. Наиболее частотными факторами коммуникативных неудач в политическом дискурсе являются неоправданное использование стилистически сниженной грубой лексики; переход на фамильярно-разговорный стиль общения; речевые ошибки, вызванные многословием. К числу факторов, повышающих эффективность деловой коммуникации следует отнести риторическую компетентность политиков: умение аргументированно выразить

свою позицию, грамотно используя весь спектр языковых и стилистических средств русского литературного языка.

Для того чтобы акт общения в итоге оправдал ожидания и завершился благополучно без каких-либо коммуникативных неудач, адресант использует определенный набор речевых средств и приёмов, способствующих реализации его интенции. Данный речевой арсенал определяется коммуникативной стратегией, которая является общей целью говорящего в рамках конкретного акта коммуникации, а коммуникативные тактики — это конкретный речевой ход в процессе осуществления коммуникативной стратегии, направленный на решение частной коммуникативной задачи на конкретном этапе.

На данный момент в научной литературе отсутствует единая, общепринятая классификация стратегий и тактик политического дискурса. Среди коммуникативных стратегий выделяются следующие их виды: дискурсивные, стилистические, семантические, прагматические, риторические, диалоговые. В нашем исследовании мы будем придерживаться классификации коммуникативных стратегий политического дискурса, предложенной О.Н. Паршиной [Паршина 2005], которая представлена следующим образом: стратегия самопрезентации, стратегия дискредитации и нападения, манипулятивная стратегия, стратегия самозащиты, информационно-интерпретационная стратегия, стратегия формирования эмоционального настроения адресата, аргументативная стратегия, агитационная стратегия.

Для рассмотрения политического дискурса в рамках лингвокультурологии необходим анализ концепта и репрезентирующих его лексических средств, позволяющий осмыслить когнитивную организацию дискурса. Концепт представляет собой совокупность находящихся в сознании представлений о предметах или явлениях, выражающаяся языковыми и неязыковыми средствами, которые прямо или косвенно отражают его содержание.

В литературе встречается множество разных подходов к структуре анализа концепта. Наиболее целесообразным для данной работы нам видится структура анализа, предложенная И.А. Стерниным и З.Д. Поповой:

1. Построение номинативного поля концепта.
2. Анализ и описание семантики языковых средств, входящих в номинативное поле концепта.
3. Когнитивная интерпретация результатов описания семантики языковых средств.

Для данной структуры анализа при описания номинативного поля концепта актуален термин «репрезентанты концепта». В нашей работе репрезентанты концепта – это все лексико-семантические варианты, связанные определенными отношениями с ядерным понятием концепта.

Был проведён анализ лексических средств в русском и японском политическом дискурсе через построение концептов «Япония» и «Россия» на основе речей российских и японских политиков. Для построения концепта «Япония» нами были выбраны речи президента России Владимира Путина и министра иностранных дел Сергея Лаврова, поскольку концепт «Япония» наилучшим образом представлен в речи данных политиков в рамках российско-японских отношениях. Для построения концепта «Россия» были выбраны речи бывшего премьер-министра Японии Синдзо Абэ, поскольку его восьмилетний период правления был ознаменован небывалым ростом межправительственных контактов.

По результатам анализа был сделан вывод о том, что концепт «Япония» в речи Владимира Путина и Сергея Лаврова достаточно схожи, неоднородные, складывается не из единственного актора. Присутствует значительное число репрезентантов-перифраз (соседи, друзья, партнёры, коллеги), формирующий образ Японии как народ, а не как внешнеполитический субъект. Устойчиво упоминается премьер-министр Японии, а у Сергея Лаврова также упоминается министр иностранных дел. Практика привязки образа главы государства к образу страны практически не имеется. Наиболее частотными являются лексемы и сочетания «премьер-министр», «мирный договор» и «Курильские острова», однако у Сергея Лаврова доминирует репрезентант «коллеги», тогда как у Владимира Путина – «партнёры». Частотное использование лексем «коллеги» и

«партнёры» характеризует стремление обозначить Японию как равноправного участника совместной деятельности (чаще всего переговорной). Формальное обращение к премьер-министру и министру иностранных дел Японии доминирует над неформальным в силу дипломатического протокола. Тем не менее, у Владимира Путина присутствует существенное количество сочетаний с неформальным обращением, что говорит о личной дипломатии в российско-японских отношениях. Владимир Путин и Сергей Лавров подчёркивают важность мирного договора, переговоры по которому «Япония прекратила», негативно характеризуют его отсутствие, за которое ответственна японская сторона. Репрезентант «Курильские острова» устойчиво сочетается с лексемой «декларация 56-го года», однако вопрос принадлежности поднимается только в дискурсе Сергея Лаврова.

В политическом дискурсе Владимира Путина и Сергея Лаврова преобладает использование стратегии самопрезентации, информационно-интерпретационной и аргументативной стратегий, однако в дискурсе второго присутствует использование стратегии дискредитации и нападения. Использованные языковые средства реализации коммуникативных стратегий и тактик помогают Владимиру Путину заявить о положительных результатах переговоров России и Японии по проблеме мирного договора, подчеркнуть роль премьер-министра Синдзо Абэ в развитии российско-японских отношениях, предложившего совместный план хозяйственной деятельности на Курильских островах, и в то же время возложить ответственность на отсутствие мирного договора на японскую сторону. Сергей Лавров также оценивает российско-японские переговоры положительно, однако обвиняет японскую сторону в несамостоятельности при принятии решений по сотрудничеству с Россией.

Концепт «Россия» в речи Синдзо Абэ монолитен, то есть складывается из единственного актора. Россия понимается сугубо как государство, внешнеполитический субъект. Отсутствуют примеры воспроизводства таких единиц как Россия в коннотациях «россияне» или «бизнес-сообщество». Наиболее частотными репрезентантами являются: «президент», «мирный

договор» и «острова». Репрезентант «президент» отображает установку премьер-министра Абэ на личностную дипломатию, часто сопровождается использованием стилистических приёмов, не свойственных японскому политическому дискурсу. Репрезентант «острова» связан с проблемой принадлежности Курильских островов, а также проблемой «бывших жителей», которая отражена в сочетаниях, которые имеют наибольшую стилистическую окраску. Репрезентант «мирный договор» связан с сочетаниями оценивания переговорного процесса, которые в прошлом «находились в состоянии застоя», однако в настоящий момент «будут интенсивно развиваться».

Устойчиво упоминается президент России, фиксируется речевая практика привязки образа главы государства к образу страны. Встречаются обороты, когда название страны (Россия) посредством метонимии заменяется именем главы государства (Президент Путин). Благодаря этому, можно выделить в содержании концепта страны в качестве составляющего актора Президента Путина.

Отличаются в речи Синдзо Абэ и преобладающие коммуникативные стратегии, выглядящие следующим образом: стратегия самопрезентации, стратегия формирования эмоционального настроения адресата, агитационная стратегия. Используемые Синдзо Абэ языковые средства помогают оценить положительно нынешнее состояние переговоров России и Японии, подчеркнуть центральную роль Владимира Путина в их развитии, призывая его к продолжению переговоров и подписанию мирного договора, а также заявить о необходимости развития сотрудничества через проведение плана сотрудничества из 8 пунктов.

Исходя из проанализированных стенограмм выступлений Владимира Путина, Сергея Лаврова и Синдзо Абэ, мы считаем, что в японском политическом дискурсе имеются следующие лексемы и сочетания, потенциально приводящие к коммуникативной неудаче: 北方領土 (Северные территории), 北方四島 (четыре северных острова), 四島 (четыре острова). Особенность употребления сочетания «северные территории» в дискурсе Сергея

Лаврова говорит о том, что оно потенциально может приводить к коммуникативной неудаче, поскольку использование японской стороной сочетания 北方領土 (Северные территории) встречает негативную реакцию с российской стороны. Синдзо Абэ зачастую использует сочетания 北方四島, 四島 (четыре северных острова, четыре острова) для обозначения Курильских островов, что является реализацией им стратегии вуалирования.

Отношения России и Японии претерпели кардинальные изменения за период правления Владимира Путина и Синдзо Абэ. Однако проблемы, существующие между странами, сохраняются и по сей день. На этапах совершенствования владения РКИ и изучения политического дискурса на занятиях целесообразно использовать фрагменты речей Владимира Путина, Сергея Лаврова и Синдзо Абэ для наблюдений за лексическими средствами реализации коммуникативных стратегий и тактик в русском политическом дискурсе, а также за способами воздействия на аудиторию наиболее влиятельных фигур в российско-японских отношениях.

Список использованной литературы

- 1) *Аскольдов-Алексеев 1997* – Аскольдов-Алексеев, С.А. Концепт и слово / С.А. Аскольдов-Алексеев [Текст] // От теории словесности к структуре текста: сб. ст.: в 1 ч. / гл. ред. В.П. Нерознака. – М.: Academia, 1997. – Ч. 1. – С. 28-44.
- 2) *Бархударов 2008* – Бархударов, Л.С. Язык и перевод. Вопросы общей и частной теории перевода [Текст] / Л.С. Бархударов – М., 2008. – 240 с.
- 3) *Белых 2019* – Белых, Е.Н. Прагматическое и концептуальное содержание оценки в политическом дискурсе (на материале турецкого языка) [Текст]: дис. ... канд. филол. наук: 10.02.19 / Е.Н. Белых. – Москва, 2019. – 148 с.
- 4) *Воркачев 2010* – Воркачев, С.Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании [Текст] / С. Г. Воркачев // Филологические науки, 2001. – №1. – С. 64-72.
- 5) *Воробьева 1999* – Воробьева, О.И. Политическая лексика. Семантическая структура. Текстовые коннотации [Текст] / О.И. Воробьева // Изд-во Поморского гос. университета им. М.В. Ломоносова, 1999. – 92 с.
- 6) *Григорьева 2007* – Григорьева, В.С. Дискурс как элемент коммуникативного процесса: прагмалингвистический и когнитивный аспекты [Текст] / В.С. Григорьева. – Тамбов: Изд-во Тамб. гос. техн. ун-та, 2007. – 288 с.
- 7) *Ермакова, Земская 1993* – Ермакова, О.П., Земская, Е.А. К построению типологии коммуникативных неудач (на материале естественного русского диалога) [Текст] / Е.А. Земская, О.П. Ермакова // Институт русского языка им. В.В. Виноградова РАН. – М., 1993. – С. 30-64.
- 8) *Иссерс 2008* – Иссерс, О.С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи [Текст] / О. С. Иссерс. – М.: ЛКИ, 2008. – 288 с.
- 9) *Иссерс 2009* – Иссерс, О.С. Речевое воздействие: учеб. Пособие [Текст] / О.С. Иссерс. – М.: «Флинта», 2009. – 224 с.
- 10) *Кара-Мурза 2012* – Кара-Мурза, Е.С. Конфликтные модусы общения: коммуникативная неудача, конфликт, речевое преступление [Текст] /

- Е.С. Кара-Мурза // Проблемы речевого общения: тезисы докладов междунар. конф. «Десятые Шмелевские чтения». – М.: Ин-т рус. яз. им. В. В. Виноградова РАН, 2012. – С. 193-202.
- 11) *Карасик 1999* – Карасик, В.И. Характеристики педагогического дискурса [Текст] / В.И. Карасик // Языковая личность: проблемы лингвокультурологии и функциональной семантики: Сб. науч. тр. – Волгоград: Перемена, 1999. – 196 с.
- 12) *Карасик 2002* – Карасик, В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс / В.И. Карасик // Волгоград. Гос. Пед. Ун-т; Н.-И. Лаб. «аксиол. лингвистика». – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
- 13) *Караулов 1993* – Караулов, Ю.Н. Русский язык и языковая личность [Текст] / Ю.Н. Караулов. – М.: Наука, 1993. – 261 с.
- 14) *Колесов 2012* – Колесов, В.В. Концептология: учеб. пособие для вузов [Текст] / В. В. Колесов, М. В. Пименова. – Кемерово: КемГУ, 2012. – 248 с.
- 15) *Кохтев 2000* – Кохтев, Н.Н. Культура ораторской речи [Текст] / С.И. Виноградов // Культура русской речи: учебник для вузов. – М.: НОРМА-ИНФРА-М, 2000. – 560 с.
- 16) *Клюев 1998* – Клюев, Е.В. Речевая коммуникация [Текст] / Е.В. Клюев. – М.: ПРИОР, 1998. – 224 с.
- 17) *Крючкова 2005* – Крючкова, Н.В. Концепты возраста [Текст]: автореф. дис. ... к. филолог. наук: 10.02.19 / Н.В. Крючкова. – Саратов. гос. ун-т. им. Н.Г. Чернышевского, 2005. – 46 с.
- 18) *Кузнецова 2014* – Кузнецова, А.А. Коммуникативная неудача [Текст] / А.А. Кузнецова // Эффективное речевое общение (базовые компетенции): словарь-справочник: электр. изд. под ред. А.П. Сковородникова. – Красноярск.: Изд-во Сибир. фед. ун-та, 2014. – 221 с.
- 19) *Лихачёв 1997* – Лихачев, Д.С. Концептосфера русского языка: От теории словесности к структуре текста [Текст] / под ред. В.П. Нерознака. М., 1997. – 364 с.

- 20) *Ляпин 1977* – Ляпин, С. Х. Концептология: к становлению подхода [Текст] / С. Х. Ляпин // Научные труды Центрконцепта, 1977. – № 1. – С. 11-35.
- 21) *Маслова 2011* – Маслова, В.А. Введение в когнитивную лингвистику: учеб. пособие [Текст] / М.: Флинта: Наука, 2011. – 296 с.
- 22) *Михалёва 2009* – Михалёва, О.Л. Политический дискурс: Специфика манипулятивного воздействия: монография [Текст] / О.Л. Михалёва. – М.: Книжный дом «Либроком», 2009. – 256 с.
- 23) *Паршина 2005* – Паршина, О.Н. Стратегии и тактики речевого поведения современной политической элиты России [Текст]: автореферат дис. ... д. филологических наук: 10.02.01 / О.Н. Паршина. – Саратов, 2005. – 48 с.
- 24) *Паршина 2007* – Паршина, О.Н. Российская политическая речь: теория и практика [Текст] / О.Н. Паршина. – М.: ЛКИ, 2007. – 232 с.
- 25) *Сабадашова 2016* – Сабадашова, М. Г. Подходы к определению концепта [Текст] / М. Г. Сабадашова // Научные труды КубГТУ. – 2016. – №1. – С. 1-9.
- 26) *Соломоник 1975* – Соломоник, А. Семиотика и лингвистика [Текст] / А. Соломоник. – М.: Молодая Гвардия, 1975. – 321 с.
- 27) *Степанов 2007* – Степанов, Ю.С. Концепты: Тонкая пленка цивилизации [Текст] / Ю.С. Степанов. – М.: Языки славянских культур, 2007. – 248 с.
- 28) *Дейк 2000* – Дейк, Т.А. ван. Язык. Познание. Коммуникация: пер. с англ. [Текст] / Т.А. Ван Дейк. – Б.: БГК им. И. А. Бодуэна де Куртенэ, 2000. – 310 с.
- 29) *Туманова 2016* – Туманова, Г.А. Коммуникативная стратегия и особенности ее реализации в политическом дискурсе (на материале русского и немецкого языков) [Текст] / Г.А. Туманова. – М., 2016. – 283 с.
- 30) *Формановская 2002* – Формановская, Н.И. Речевое общение: коммуникативно-прагматический подход [Текст] / Н.И. Формановская – М.: Русский язык, 2002. – 216 с.

- 31) *Халипов 2007* – Халипов, В.Ф. Власть. Политика. Государство и Государственная служба [Текст] / В.Ф. Халипов // Аналитический словарь-справочник. – М.: Академический Проект, 2007. – 384 с.
- 32) *Чудинов 2008* – Чудинов, А.П. Политическая лингвистика [Текст] / А.П. Чудинов. – М.: «Наука», 2008. – 254 с.
- 33) *Шейгал 2000* – Шейгал, Е.И. Семиотика политического дискурса [Текст] / Е.И. Шейгал. – М.: Волгоград, 2000. – 324 с.
- 34) *Шмелева 1994* – Шмелева, Т.В. Жанровая система политического общения [Текст] / Т.В. Шмелева // Политическое поведение и политические коммуникации: психологические, социологические и филологические аспекты. – Красноярск, 1994. – С. 55-57.
- 35) *Юдина 2017* – Юдина Т.В. Современные стратегии перевода фразеологических единиц в политических речах [Текст] / Т. В. Юдина // Традиционное и новое в лингвистике, переводоведении, лингвокультурологии и лингводидактике: сборник статей. – СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 2017. – С. 72-76.
- 36) *Van Dijk 2008* – Van Dijk T.A. Discourse and Power. Contributions to Critical Discourse Studies [Text] / T.A. Van Dijk // Houndsmills: Palgrave MacMillan, 2008. – 308 p.
- 37) *Van Dijk 2009* - Van Dijk T.A. Society and Discourse. How social contexts control text and talk [Text] / T.A. Van Dijk // Cambridge: Cambridge Univ. Pr., 2009. – 298 p.

Список электронных источников

- 1) *Астафурова 2009* – Астафурова, Т.Н. Лингвосемиотика сакральности: знак, слово, текст [Электронный ресурс] / Т.Н. Астафурова // Вестн. Волгогр. гос. ун-та., 2009. – №1 (9). – С. 80-87. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13045375> (дата обращения: 22.02.2021).
- 2) *Анохина 2008* – Анохина, В.С. Стратегии и тактики коммуникативного поведения в малой социальной группе (семье) [Электронный ресурс] / В.С.

- Анохина // Вестник Ставропольского государственного университета. – 2008. – №56. – С. 64–71. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11658115> (дата обращения: 12.04.2021).
- 3) *Базылев 2005* – Базылев, В.Н. Политический дискурс в России [Электронный ресурс] / В.Н. Базылев // Политическая лингвистика. – 2005. – №15. – С. 5-32. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11671062> (дата обращения: 23.03.2021).
  - 4) *Будаев 2007* – Будаев, Э.В. Этапы развития зарубежной политической лингвистики [Электронный ресурс] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Язык. Текст. Дискурс: научный альманах Ставропольского отделения РАЛК под ред. Г. Н. Манаенко. – 2007. – №1 (73). – С. 30-35. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12958404> (дата обращения: 20.02.2021).
  - 5) *Будаев, Чудинов 2006* – Будаев, Э.В., Чудинов А.П. Современная политическая лингвистика [Электронный ресурс] / Э.В. Будаев, А.П. Чудинов // Политическая лингвистика. – Екатеринбург, 2006. – Режим доступа: <http://www.philology.ru/linguistics1/budaev-chudinov-06a.htm> (дата обращения: 20.02.2021).
  - 6) Владимир Мединский: доля отечественного кино достигла почти четверти кинорынка РФ – Россия 24 [Электронный ресурс] // Youtube. 2018. 25 дек. – Режим доступа: <https://youtu.be/ul9zQUHAF8Y> (дата обращения: 10.04.2021).
  - 7) «Вроде такой нежадный мужик-то»: Путин попросил главу «Сургутнефтегаза» помогать многодетным семьям [Электронный ресурс] // Новая газета. 2021. 1 июня. – Режим доступа: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/06/01/vrode-takoi-nezhadnyi-muzhik-to-putin-poprosil-glavu-surgutneftegaza-pomogat-mnogodetnym-semiam> (дата обращения: 01.06.2021).
  - 8) *Гаврилова 2004* – Гаврилова, М.В. Политический дискурс как объект лингвистического анализа [Электронный ресурс] / М. В. Гаврилова // Полис. – 2004. – С. 127-139. – Режим доступа:

<https://www.politstudies.ru/files/File/2004/3/Polis-2004-3-Gavrilova.pdf> (дата обращения: 21.02.2021).

- 9) *Горностаева 2018* – Горностаева, А.А. Границы дозволенного в политическом дискурсе: ироничность, чёрный юмор, деструктивность, сквернословие [Электронный ресурс] / А.А. Горностаева // Политическая лингвистика. – 2018. – №1 (67). – С. 57-66. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32637689> (дата обращения: 12.04.2021).
- 10) Жириновский призвал приговорить Навального к реальному наказанию [Электронный ресурс] // РИА Новости. 2021. 20 янв. – Режим доступа: <https://ria.ru/20210119/navalnyy-1593684452.html> (дата обращения: 10.02.2021).
- 11) Жертвы Шиеса. Как один мусорный полигон погубил двух губернаторов — Коми и Архангельской области [Электронный ресурс] // Meduza (ДАННЫЙ МАТЕРИАЛ СОЗДАН И РАСПРОСТРАНЕН ИНОСТРАННЫМ СРЕДСТВОМ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА, И (ИЛИ) РОССИЙСКИМ ЮРИДИЧЕСКИМ ЛИЦОМ, ВЫПОЛНЯЮЩИМ ФУНКЦИИ ИНОСТРАННОГО АГЕНТА). 2020. 3 апр. – Режим доступа: <https://meduza.io/feature/2020/04/03/zhertvy-shiesa> (дата обращения: 10.04.2021).
- 12) Загадка 2024: вернется ли Путин в кресло премьера [Электронный ресурс] // МК. 2018. 5 июня. – Режим доступа: <https://www.mk.ru/politics/2018/06/05/zagadka-2024-vernetsya-li-putin-v-kreslo-premera.html> (дата обращения: 17.02.2021).
- 13) *Калинин 2009* – Калинин, К.Е. Коммуникативные стратегии убеждения в англоязычном политическом дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук. [Электронный ресурс] / К.Е. Калинин // Нижегород. гос. лингвист. ун-т им. Н.А. Добролюбова. – 2009. – 20 с. – Режим доступа: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003461304/ (дата обращения: 16.04.2021).

- 14) «Казань брал, Астрахань брал, Санкт-Петербург брал». Как губернатор Орловской области рассмешил соцсети полным незнанием истории [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2016. 22 июля. – Режим доступа: https://lenta.ru/articles/2016/07/22/puteshestvie_groznogo (дата обращения: 10.04.2021).
- 15) *Крюкова 2018* – Крюкова, Н.Н. Особенности перевода экспрессивных средств в английском и американском политическом дискурсе [Электронный ресурс] / Н.Н. Крюкова // *Фундаментальные и прикладные исследования: гипотезы, проблемы, результаты.* – 2018. – С. 189-194. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=32843047> (дата обращения: 12.04.2021).
- 16) *Липатова, Литвинов 2011* – Липатова, В.В., Литвинов, А.В. Понятия эквивалентности и адекватности в преподавании перевода в высшей школе на современном этапе [Электронный ресурс] / В.В. Липатова, А.В. Литвинов // *Вестник Российского университета дружбы народов. серия: лингвистика.* – 2011. – №4. – С. 105-113. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=17088596> (дата обращения: 12.04.2021).
- 17) Миронов оговорился и перепутал стрит-арт с артритом [Электронный ресурс] // Lenta.ru. 2017. 22 мая. – Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2017/05/22/mironov/> (дата обращения: 10.04.2021).
- 18) От Абэ к Суге. Что происходит в отношениях Японии и России? [Электронный ресурс] Московский центр Карнеги 2021. 21 марта. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/84138> (дата обращения: 10.12.2021).
- 19) *Паршин 1999* – Паршин, П.Б. Понятие идиополитического дискурса и методологические основания политической лингвистики [Электронный ресурс] / Паршин П.Б. – 1999. – Режим доступа: www/elections.ru/biblio/parshin/htm/Архив (дата обращения: 20.02.2021).
- 20) План сотрудничества из 8 пунктов [Электронный ресурс] // Посольство Японии в России. – Режим доступа: <https://www.ru.emb-japan.go.jp/economy/ru/index.html> (дата обращения: 10.12.2021).

- 21) *Полякова 2009* – Полякова, С.Е. Прагматически обусловленные коммуникативные неудачи в политическом дискурсе [Электронный ресурс] / С.Е. Полякова // Изв. Рос. гос. пед. ун-та им. А. И. Герцена. Сер.: Языкознание. 2009. – №89 – С. 244-247. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=11722922> (дата обращения: 12.04.2021).
- 22) *Пономаренко, Желтухина 2019* – Пономаренко, Е.Б, Желтухина М.Р. Инвективная лексика в политическом медиадискурсе: англоязычные и русскоязычные эмоциональные проявления политиков [Электронный ресурс] / Е.Б. Пономаренко, М.Р. Желтухина // Актуальные проблемы филологии и политической лингвистики. – 2019. – №3. – С. 120-130. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=40804500> (дата обращения: 12.04.2021).
- 23) Прощальные уступки. Почему России важно успеть улучшить отношения с Японией [Электронный ресурс] // Московский центр Карнеги 2020. 03 июн. – Режим доступа: <https://carnegie.ru/commentary/81780> (дата обращения: 10.12.2021).
- 24) Путин о Навальном: если бы хотели отравить, довели бы дело до конца [Электронный ресурс] // ВВС. 2020. 17 дек. – Режим доступа: <https://www.bbc.com/russian/news-55329071> (дата обращения: 17.02.2021).
- 25) Путин опроверг информацию о «дворце» из публикации Навального [Электронный ресурс] // Ведомости. 2021. 25 янв. – Режим доступа: <https://www.vedomosti.ru/society/news/2021/01/25/855342-putin-oproverg-informatsiyu-o-dvortse> (дата обращения: 17.02.2021).
- 26) Что должно произойти, чтобы Мутко подал в отставку?! Ответ самого Мутко [Электронный ресурс] // Youtube. 2016. 29 июня. – Режим доступа: <https://youtu.be/-1u5pRZcIFo> (дата обращения: 10.04.2021).
- 27) *Югай 2019* – Югай, Е.Р. Политический дискурс и перевод [Электронный ресурс] / Е.Р. Югай // Общество. – 2019. – №2 (13). – С. 81-87. – Режим доступа: <https://elibrary.ru/item.asp?id=39131083> (дата обращения: 12.04.2021).

- 28) Shoji Azuma 2012 – Shoji Azuma Campaign speeches and public acceptance in contemporary japan [Электронный ресурс] / Azuma Shouji // University of Utah, 2012. – №26. – С. 37-57. – Режим доступа: http://institucional.us.es/revistas/philologia/26/art_2.pdf (дата обращения: 01.11.2020).
- 29) なぜ杉田水脈議員は過激発言を繰り返し“出世”したのか—女性が女性を叩く構図は誰が作ったか [Электронный ресурс] // Business insider. 2018. 1 авг. – Режим доступа: <https://www.businessinsider.jp/post-172378> (дата обращения: 10.02.2021).
- 30) 「私は雨男。大臣になって台風三つ」 河野防衛相が発言 [Электронный ресурс] // Asahi Shimbun. 2019. 28 окт. – Режим доступа: <https://www.asahi.com/articles/ASMBX7FPNMBXUTFK01G.html> (дата обращения: 17.02.2021).

Источники

- 1) Министерство иностранных дел Российской Федерации. Выступления Министра [Электронный ресурс] // Министерство иностранных дел Российской Федерации. – Режим Доступа: https://www.mid.ru/ru/press_service/minister_speeches/ (дата обращения: 10.12.2021).
- 2) Президент России. Стенограммы [Электронный ресурс] // Президент России. – Режим Доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts> (дата обращения: 10.12.2021).
- 3) 首相官邸。総理の演説・記者会見など [Электронный ресурс] // 首相官邸。 – Режим доступа: https://www.kantei.go.jp/jp/98_abe/statement/index.html (дата обращения: 10.12.2021).

- 4) 外務省。寄稿・インタビュー [Электронный ресурс] // 外務省
Режим доступа: <https://www.mofa.go.jp/mofaj/press/iken/index.html>
(дата обращения: 10.12.2021).